

Олег Витальевич Смирнов

кандидат филологических наук, научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119606,
Москва, пр. Вернадского, 82)
E-mail: ovsmirnov@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-6644-3854>

Волжско-финские диалекты исторических мерянских земель по данным топонимии. Языковые кальки. II

Аннотация

Настоящая публикация является продолжением статьи, напечатанной в первом номере журнала «Вопросы ономастики» за 2025 год. На основе топонимических калек представлен анализ фонетических и словообразовательных особенностей наиболее надежных языковых фактов вымерших финно-угорских языков на территории исторических мерянских земель (ИМЗ). Материал подтверждает предварительные выводы о том, что на территории ИМЗ до русского заселения присутствовал не один, а нескольких финно-угорских языков (диалектов). Наблюдаемые лексические, фонетические, словообразовательные черты в основном находят соответствие в финно-волжских языках (прибалтийско-финских, мордовских, марийском, меньше в саамском). Отдельные изоглоссы ареально очерчиваются и противопоставляются друг другу, имея характер не просто диалектных, а языковых различий внутри финно-волжских языков. При этом разные изоглоссы пересекаются друг с другом, показывая, что языковая ситуация на территории ИМЗ была намного сложнее, чем принятое в последнее время диалектное членение на «ростовскую мерю», «костромскую мерю» и мурому. Анализируемый материал демонстрирует невозможность генетически сблизить предполагаемый «язык мери и муромы» с каким-то одним из известных финно-волжских языков. Скорее всего, субстратные финно-волжские языки ИМЗ самостоятельно выделились из предполагаемой финно-волжской языковой общности. Одни из них тесно контактировали с прибалтийско-финско-мордовскими языками и были ближе к ним, другие сближаются с прамарийским либо прасаамским языком. На основе выявленных фонетических соответствий в волжско-финских языках ИМЗ обосновывается возможность распространения этнонима в первичной форме **mārä* среди местных волжско-финских народов в эпоху господства городецкой археологической культуры (вторая половина I тыс. до н. э.) в рамках исторического сюжета, очень похожего на распространение этнонима *русь* среди восточных славян. Выявленные фонетические особенности волжско-финских языков ИМЗ показывают закономерность происхождения из формы **mārä* этнонимов *меря*, *мари* и *мурома*.

Ключевые слова

субстратная топонимия Центральной России; финно-угорские языки; волжские финны; меря; реконструкция мерянского языка; топонимические кальки; этимология

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).

Выражаю большую благодарность Т. В. Матвеевой за предоставление доступа и возможности работы с картотекой А. К. Матвеева.

Для цитирования

Смирнов О. В. Волжско-финские диалекты исторических мерянских земель по данным топонимии. Языковые кальки. II // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22, № 3. С. 101–148. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.3.031

Рукопись поступила в редакцию 12.09.2024

Рукопись принята к печати 23.05.2025

Oleg Vitalyevich SMIRNOV

PhD, Senior Research Fellow, School of Advanced Studies in the Humanities, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Ave., 119606 Moscow, Russia)

Email: ovsmirnov@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0001-6644-3854>

Volga-Finnic Dialects in the Historical Merya Lands According to Toponymic Data. Linguistic Calques. II.

Abstract

This is the second part of the paper published in the opening issue of the journal in 2025, it examines the phonetic and word-formation features of the most reliable linguistic data from the extinct Finno-Ugric varieties once spoken in the Historical Meryan Lands (HML), together with their closest parallels in the Volga-Finnic languages. A historical-phonetic and word-formation analysis of the material supports the earlier conclusion that the linguistic landscape of the HML prior to Russian settlement did not consist of a single language, but of several Finno-Ugric dialects or languages. The lexical, phonetic and word-formation features observed correspond broadly to those found across the Volga-Finnic branch (Finnic, Mordvin, Mari, and to a lesser extent Saami). Distinct isoglosses can be identified and contrasted, and they represent not merely dialectal but, in many cases, linguistic divisions within the Volga-Finnic continuum. At the same time, these isoglosses intersect in different ways, indicating a linguistic situation far more complex than the recently proposed tripartite division into “Rostov”, “Kostroma” and “Murom” Meryan dialects. The material analysed demonstrates that the hypothesised “language of the Merya and Muroma” cannot be genetically aligned with any of the known Volga-Finnic languages. The most plausible

scenario is that the substrate Volga-Finnic languages of the HML represent independent offshoots of a broader Proto-Volga-Finnic community. Some of these varieties were in close contact with Finnic and Mordvin languages, while others developed affinities with Proto-Mari or Proto-Saami. The article further suggests that the ethnonym **mārə* may have been used in its original form by the indigenous Volga-Finnic population during the period of the Gorodets culture (second half of the first millennium AD), in a manner comparable (albeit only typologically) to the emergence of the ethnonym **rus* among the Eastern Slavs. The phonetic features reconstructed for the Volga-Finnic varieties of the HML are consistent with the derivation of the ethnonyms *Merya*, *Mari* and *Muroma* from this original *mārə* form.

Keywords

substrate toponymy of Central Russia; Finno-Ugric languages; Volga Finns; Merya; reconstruction of the Meryan language; toponymic calques; toponymic etymology

Acknowledgements

This article was prepared as part of research commissioned by the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. I express my sincere gratitude to Tamara V. Matveyeva for granting access to, and the opportunity to work with, Alexander K. Matveyev's card index.

For citation

Smirnov, O. V. (2025). Volga-Finnic Dialects in the Historical Merya Lands According to Toponymic Data. Linguistic Calques. II. *Voprosy onomastiki*, 22(3), 101–148. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.3.031

Received on 12 September 2024

Accepted on 23 May 2025

В первой части статьи [см.: Смирнов 2025] была проиллюстрирована возможность получения данных о вымерших финно-угорских языках Центральной России на основе изучения топонимов. Ключом к этимологическому анализу стало обнаружение в ходе составления формализованного каталога субстратных топонимов ИМЗ нескольких десятков случаев калькирования географических названий. Картографирование топонимических калек показало их широкое распространение по всей территории ИМЗ. В первой части статьи были приведены наиболее показательные примеры, в том числе случаи калькирования между разными диалектами (языками) вымерших финно-угорских этнических групп. Уже одно это свидетельствует о присутствии на территории ИМЗ до русского заселения не одного, а нескольких финно-угорских диалектов (языков). Повторяемость и массовость этих случаев позволяет свести к значениям, близким к нулю, вероятность случайности обнаруживаемых соответствий. Количество основ, участвовавших в процессе калькирования, достаточно, чтобы выполнить первичные наблюдения над фонетическими и словообразовательными особенностями субстратных топонимических фактов с точки зрения исторической фонетики и исторической лексикологии финно-угорских языков.

Некоторые фонетические и структурные особенности субстратных топонимов в контексте поиска основного языка сравнения

Наличие в исторических мерянских землях (ИМЗ) большого числа топонимических калек, обеспечивающих высокую степень надежности этимологических сопоставлений, позволяет поставить вопрос о финно-угорском языке, к которому субстратные диалекты (языки) ИМЗ были наиболее близки и который мог бы служить опорой для этимологизации основного корпуса субстратных названий. Для этого необходимо сначала обратиться к статистике. Всего в топонимических калках задействовано 75 субстратных топонимических основ (слов). Наибольшее число из них находит ближайшие по форме соответствия (см. табл.) в марийском (29 %), в мордовском (27 %) и в финском (прибалтийско-финских языках) — 27%; меньше в саамском (19 %) и совсем мало в пермских языках (9 %). В совокупности сумма получается больше 100 %, потому что некоторые основы находят ближайшие формальные соответствия сразу в двух языках: например, основа *кол* ‘рыба’ — одновременно в прасаам. **kōlē* [Lehtiranta 1989: № 511] и прамар. **kol* [EWT: 69]. Уже эти статистические данные позволяют исключить из круга для ближайшего сравнения пермские языки и определить финно-угорские языки ИМЗ как принадлежащие к финно-волжской ветви.

Статистика ближайших соответствий в финно-угорских языках топонимическим основам ИМЗ, надежно этимологизируемым на основе языковых калек

	ИМЗ в целом	Микроареалы внутри ИМЗ			
		Юго-запад	Северо-запад	Северо-восток	Юго-восток
Финский (прибалтийско-финские)	27 %	38 %	13 %	25 %	26 %
Саамский	19 %	21 %	50 %	18 %	0 %
Мордовский	27 %	31 %	25 %	29 %	21 %
Марийский	29 %	24 %	50 %	36 %	26 %
Пермские языки	9 %	7 %	13 %	7 %	11 %
Нет соответствий в финно-пермских	4 %	3 %	0 %	0 %	11 %

Из финно-волжских языков невозможно выделить какой-то один — преобладающий по чисто формальному сходству лексики. Наибольшую близость по лексическим особенностям показывают марийский, прибалтийско-финские и мордовские языки.

В таблице также приведено распределение лексических сходств калькированных основ по разным географическим микроареалам внутри ИМЗ. Здесь тоже нельзя увидеть статистически значимое преобладание внутри какого-то ареала соответствий определенному языку. В юго-западной части (южная часть Ярославской области на правобережье Волги, часть Московской и Тверской областей, северо-запад Владимирской области с Суздальско-Юрьевским Ополем, т. е. по сути это то, что обычно связывают с «ростовской мерей») заметно небольшое преобладание соответствий в калькированной лексике прибалтийско-финским и мордовским языкам. В северо-восточной части (Костромская область, северная часть Ивановской области) отмечается небольшое преобладание соответствий в марийском и мордовских языках. В юго-восточной части (нижнеклязьминская зона, низовья Оки) — в марийском и прибалтийско-финских языках. Статистика северо-западной части ИМЗ (северная, левобережная часть Ярославской области, Пошехонье) не совсем показательна ввиду малого числа калькированных основ (всего восемь единиц), однако именно здесь отмечаются лексические соответствия с саамским языком, что согласуется с близостью этой зоны к ареалу древнего саамского расселения вокруг Белого озера.

Такая «размытость» картины, без четкого преобладания лексических соответствий определенному языку как в целом по ИМЗ, так и внутри отдельных микроареалов внутри ИМЗ, может говорить об особом месте волжско-финских языков и диалектов, которые принято объединять под названием мерянского языка, и о невозможности сближать их с каким-либо одним из известных финно-волжских языков.

Подтвердить или уточнить это могли бы дифференцирующие фонетические особенности, которые обнаруживаются при анализе калькированной лексики субстратных топонимов ИМЗ. Однако сложность состоит в том, что единства в отражении тех или иных финно-угорских праформ в имеющемся топонимическом материале не наблюдается. В первой части статьи [Смирнов 2025] уже разбирались неоднократные примеры фонетических различий в рефлексе тех или иных основ, которые свидетельствуют о языковой разнородности субстратных топонимов на территории ИМЗ. В ареальном плане эта дифференциация представляется намного сложнее, чем прямолинейное выделение диалектов «ростовской мери», «костромской мери» и «нижнеклязьминской муромы». Так, в первой части статьи приводились примеры

языковых различий и диалектной чересполосицы внутри костромского и ростовского ареалов. Анализ фонетических особенностей топонимов подтверждает эту сложность и неоднозначность как самого трехчленного диалектного деления, так и сближения отдельных диалектов с теми или иными известными финно-волжскими языками.

1. Фонетические особенности топонимов, сближающие их с прибалтийско-финскими языками

1.1. Рефлекс ф.-уг. *δ'- в виде t-. Отмечается в основе *там-* 'черемуха' [см.: Смирнов 2025: 64–65]. Ареал распространения тяготеет к юго-западу ИМЗ. На востоке ИМЗ (причем как на северо-востоке, так и на юго-востоке) эта основа представлена с начальным л- в форме *лам-* (ур. *Лámзинская Гора*, р. *Лámза*, р. *Лámса*, оз. *Ламхра*¹, оз. *Ламна*, р. *Ламех*), что характерно для мордовских и марийского языков.

1.2. Сохранение финно-угорского гласного первого слога *a:

▪ урал. **wasá*, фин. *vasen* 'левый' [UEW: 559] — р. *Важня* (левый приток р. Суворощь в бассейне нижнего течения р. Клязьма, юго-восток ИМЗ). Этимология подтверждается междиалектной топонимической калькой в названии соседней р. *Куржа* (на некоторых картах называется также *Кержа*), ср. эрз. *керш*, мокш. *кержи*, *кяржи* 'левый' (< праморд. **kärčə*), с соответствием звука у на месте ф.-уг. *ä в юго-восточной части ИМЗ [Смирнов 2015: 23–24]²;

▪ ф.-уг. **pal'a* 'мороз, замерзать' > фин. *pala-* 'гореть' [UEW: 352] — р. *Палиндра* (приток р. Корба в бассейне р. Солоница в Костромской обл.) по соседству с р. *Ингорь*, поэтому формант *-индра*³ в топониме *Палиндра* можно возвести к форманту **-ингорь* (**Палингорь* > *Палиндра* 'Горелый Ингорь'). Этимология подтверждается междиалектной топонимической калькой в названии основной реки, в которую впадает р. Палиндра, — р. *Корба*, от ф.-волж. **korpe-* 'гореть' [UEW: 186] (см. в приложении примеры калек к названиям *Корба* в ИМЗ);

¹Здесь и далее топонимы даются без ударений, если их формы взяты из письменных источников, в которых нет указаний на ударение.

²Более полную и систематизированную информацию о приводимых здесь и далее калькированных топонимах см. в выборке из каталога в приложении к данной статье.

³Топонимы с формантом *-IngVp(ь)* в ИМЗ встречаются в варианте с *-нд-*: р. *Ингирь* / *Индирь* (приток р. Войнинга во Владимирской обл.), пок. *Ингери* / *Индерь* / *Индырь* (в бассейне р. Вига Костромской обл.), р. *Унгарь* / *Унгер* / *Ундер* (приток р. Теза в Ивановской обл.). Это обусловлено ассимилятивным процессом *-нг-* > *-нд-* при русском усвоении.

▪ фин. *rasti* ‘указатель дороги, зарубка’ — дорога *Рáстовая* (в Кологривском р-не Костромской обл.), в пояснении информантов — ‘столбовая дорога’ [Востриков 1981: 34];

▪ ф.-уг. **šala* ‘вяз’ [UEW: 458], фин. *salava* ‘ива’ — р. *Салеза* (в нижнем течении р. Унжа в Костромской обл.) [см.: Смирнов 2025: 76];

▪ ф.-уг. **sarka* ‘развилка’ [Zhivlov 2014: 127], фин. *saara*, вепс. *sar* ‘ветвь’, на Русском Севере распространен гидронимический формант *-capa/-carь* прибалтийско-финского происхождения со значением ‘один из истоков реки, рассоха’ [Матвеев 2001: 277–278] — р. *Саpa* (основной приток оз. Неро). Этимология подтверждается в названии нижнего течения этой же реки — *Гда*: от термина местного волжско-финского происхождения со значением ‘речка, приток’. Оба названия — р. *Саpa* и р. *Гда*, — очевидно, являются гидронимическими терминами в самостоятельном топонимическом употреблении со значением ‘приток’ [см. также: Матвеев 2015: 106–107].

Эта фонетическая особенность характерна не только для прибалтийско-финских, но и для мордовских языков. Причем в ИМЗ сохранение **a* в некоторых случаях последовательнее, чем в финском, ср. ф.-перм. **sali* ‘соль’ — р. *Салка* [см.: Смирнов 2025: 76–77].

Ареал распространения отмечается на юго-востоке (*Важня*), частично на северо-востоке (*Палиндра*, *Растовая дорога*, *Салеза*, *Салка*) и юго-западе (*Саpa*). Вместе с тем на северо-востоке и юго-западе в имеющихся калькированных фактах часто фиксируется изменение ф.-уг. **a > o*, что характерно для марийского и саамского языков (примеры см. ниже).

1.3. Рефлекс финно-угорского гласного первого слога **e* в виде *a*. Ф.-уг. **kĩčša₂* ‘вонючий’ [Zhivlov 2014: 133]⁴, ф.-перм. **kaške* ‘горький’ [UEW: 113] — р. *Качкур* [см.: Смирнов 2025: 72].

Эта фонетическая особенность характерна не только для прибалтийско-финских, но и для мордовских языков. Причем сохранение **a* наблюдается в некоторых случаях последовательнее, чем в прибалтийско-финских языках, ср. ф.-уг. **d’ete* — ур. *Ламзинская Гора* / *Тамар* [см.: Там же: 64].

Ареал распространения охватывает юго-запад ИМЗ, юго-восток и частично северо-восток (западную часть Костромской обл.). Вместе с тем на северо-востоке (в Костромской обл.) есть факты изменения **e > o*, что характерно для саамского языка и частично для марийского: р. *Кóчекса* [см.: Там же: 72].

⁴В статье М. Живлова реконструируемый финно-угорский звук **e* обозначается как **j*. Ранее в [UEW: 113] это слово реконструировалось как ф.-перм. **kaške* ‘горький’.

Все отмеченные выше особенности не являются специфичными для прибалтийско-финских языков. Изменение ф.-уг. **δ' - > t-* характерно также для саамских диалектов, а сохранение ф.-уг. **a* (в том числе на месте ф.-уг. **e*) — для мордовских языков. Основное специфичное для прибалтийско-финских языков явление — изменение ф.-уг. **š, *č > h* — в имеющихся калькированных данных не отражено. Более того, есть примеры сохранения этимологических **š* и **č*, что противопоставляет волжско-финские диалекты ИМЗ прибалтийско-финским языкам:

- урал. **woča* ‘забор’ > морд. *oš* ‘город’ [UEW: 577] — р. *Вóчема* [см.: Смирнов 2025: 68];

- ф.-перм. **kačke*, фин. *katkera* ‘горький’ [UEW: 113] — р. *Качкур*, р. *Кóчекса* [см.: Смирнов 2025: 72–73];

- ф.-волж. **šäte* ‘темный, черный, ржавый’ [Николаева 1988: 86], фин. *hämärä* ‘темный’, праморд. **čämäh / *šämäh* ‘ржавчина’ [Кер: 156] — р. *Шумара*, р. *Шумарка*, оз. *Шумарское* (все названия относятся к водным объектам в бассейне р. Клязьма, в южной и юго-восточной частях ИМЗ). Этимология подтверждается метонимическими кальками в названии соседних рек *Черная*, *Чернуха* (см. приложение), появление звука у на месте ф.-уг. **ä* отражает особенности юго-восточного нижнеклязьминского диалекта ИМЗ (ср. *Куржа* выше);

- ф.-волж. **räkšnä* ‘липа’, эст. *pähn* ‘старая липа’ [UEW: 726] — р. *Пекша* (приток р. Клязьма в юго-западной части ИМЗ). Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседней р. *Большая Липня*. Название *Пекша* встречается еще два раза в западной части ИМЗ;

- фин. *pyhä*, прасаам. **pesē* ‘святой’ [Lehtiranta 1989: № 866], эрз. *пежедемс* ‘клясться, божиться’ [ЭРС: 162] (< ф.-волж. **püšä* ‘святой’) — р. *Пеишпарт* (приток р. Пеженга в бассейне р. Унжа на северо-востоке ИМЗ). Этимология основ *пеж-/пеи-* ‘святой’ подтверждается метонимической калькой: р. *Пеженга* начинается из одного места с р. *Святица*.

2. Фонетические особенности топонимов, сближающие их с саамским языком

2.1. ЛабIALIZАЦИЯ ф.-уг. **a* (в том числе из **e*) > *o*:

- ф.-уг. **waja-* ‘тонуть, вязнуть’ [UEW: 551], прасаам. **vōjō* ‘погружаться, вязнуть’ [Lehtiranta 1989: № 1426] — р. *Воймега*, р. *Войнинга / Воймега* (обе реки на юго-западе ИМЗ, в бассейне р. Клязьма). Этимология подтверждается реалиями (болотистая местность) и метонимическими кальками в названии соседних объектов: руч. *Болотный* и бол. *Мерское*;

- ф.-волж. **akša* ‘белый, светлый’ (< балт., ср. лит. *aiškus* ‘светлый, ясный’) [Напольских 2015: 48] — р. *Вокишинка* (в юго-западной части ИМЗ).

Этимология подтверждается семантической связью со смежным топонимом оз. *Чистое*, в которое впадает речка;

- ф.-волж. **walkz* ‘белый, светлый’ [UEW: 554] — р. *Воложница* (на северо-востоке ИМЗ в Костромской обл.). Этимология подтверждается в калькировании названия основного притока этой речки, р. *Белая*. В других частях ИМЗ (главным образом на юго-западе и северо-востоке) фиксируются гидронимы от этой же основы (р. *Вольга*, р. *Волга*⁵);

- урал. **kala* [UEW: 119], прасаам. **kōlē* ‘рыба’ [Lehtiranta 1989: № 511] — р. *Колокша* (рядом с г. Рыбинск, бывшая Рыбная Слобода на западе ИМЗ в Ярославской обл.), р. *Колдома* (на северо-востоке ИМЗ, в Заволжском р-не Ивановской обл.). Этимология топонимов подтверждается метонимическими кальками: р. *Колокша* ~ н. п. *Рыбная Слобода*; р. *Колдома* — название верхнего притока р. *Рыболовка*, рядом н. п. *Рыболовка*;

- ф.-уг. **karaš* > прасаам. **kōrōs* ‘пустой’ [Ibid.: № 534] — р. *Коржа* (на северо-западе ИМЗ, в Ярославской обл.). Этимология подтверждается метонимической калькой в названии н. п. *Пустошка* в устье этой речки. Эта этимология позволяет связать с данным этимоном многочисленные названия оз. *Караши*, *Караши* на юго-востоке ИМЗ, в нижнеклязьминской зоне, где сохранение этимологического ф.-уг. **a* отмечается регулярно;

- ф.-перм. **kačke* ‘горький’ [UEW: 113], прасаам. **kōssek* ‘кислый, гнилой’ [Lehtiranta 1989: № 502] — р. *Кочекса* (на северо-востоке ИМЗ, в Костромской обл.), см. выше;

- ф.-уг. **pal'a* ‘мороз, замерзать’ [UEW: 352], прасаам. **pōlē* ‘гореть’ [Lehtiranta 1989: № 994] — р. *Полешма* (на северо-востоке ИМЗ, в Костромской обл.), р. *Полка* (на северо-западе ИМЗ, в Ярославской обл.). Этимология подтверждается метонимическими кальками: в устье р. *Полка* находится н. п. *Погорелово*, рядом с р. *Полешма* — н. п. *Погорелово*.

Эта фонетическая особенность не является уникальной для саамского языка и характерна также для марийского языка. Она широко распространена по всей территории ИМЗ, за исключением юго-восточной нижнеклязьминской зоны, где отмечается сохранение этимологического ф.-уг. **a*. Сохранение **a*, как было показано выше, встречается также на некоторых территориях северо-востока ИМЗ (*Палиндра*, *Растовая дорога*, *Салка*). А на юго-западе ИМЗ сохранение **a* в некоторых случаях отмечается в основах, где **a* происходит из ф.-уг. **e* (р. *Тамара*, р. *Качкур*).

⁵ Имеется в виду не только название основной реки ИМЗ, но и, например, аналогичное название небольшой речки в бассейне р. Большой Ингирь в Костромской области.

2.2. Отражение звука первого слога на месте ф.-уг. *ä в виде а:

▪ урал. *wārä ‘гора’ [Zhivlov 2014: 120, 127], прасаам. *vārē ‘гора, лес’ [Lehtiranta 1989: № 1357] — р. *Варжевка*, ур. *Балбара* (в южной части ИМЗ, в Ивановской обл., оба названия связаны друг с другом по месторасположению). Этимология основы *вар-* и форманта *-бар* (б как результат русской адаптации билабиального *w) подтверждается метонимической калькой в названии соседнего н. п. *Красная Горка*;

▪ ф.-волж. *pākšnā ‘липа’ [UEW: 726] (прасаамского соответствия нет) — р. *Пахна* (в юго-западной части ИМЗ, на современных картах утвердилась искаженная форма *Пахма*, где звук *м* возник на русской почве в результате дистактной ассимиляции с начальным *п*). Этимология подтверждается тем, что эта река имеет исток рядом с истоком р. *Пекуша*. В юго-западной части ИМЗ можно предполагать присутствие в прошлом волжско-финских диалектов, в которых имело место изменение *-ks- > -xm-, с этим, вероятно, связано появление гидронимического форманта *-Vxma* на этой территории (о детерминанте *-Vxma* и проблемах его соотношения с формантом *-Vksal/-Vkuša* см. [Матвеев 2015: 101–117]), ср. также название бол. *Сахта* и название болотистого оз. *Сахтыш* (оба топонима также расположены в юго-западной части ИМЗ), которые возводятся А. К. Матвеевым к ф.-перм. *säksä ‘грязь’ [Там же: 146–147]. Учитывая sporadическое появление *s на месте *š в рассматриваемом слове со значением ‘липа’, например в мар. *пусте* ‘липа’ [СМЯ 5: 122], в местном волжско-финском диалекте допустимо изменение *pākšnā > *paksna > *Пахтна, которое закономерным образом дало русскую форму *Пахна*. Предположение о прибалтийско-финском адстрате и сближении с эст. *pähn* ‘старая липа’ в этом случае необязательно. Названия р. *Пекуша* (засвидетельствовано три раза, см. выше) распространены в юго-западной и северо-западной частях ИМЗ и в основе своей имеют этот же этимон, но с огласовкой *e* на месте ф.-уг. *ä;

▪ ф.-перм. *säksä ‘грязь’ [UEW: 755], прасаам. *säksē [Lehtiranta 1989: № 1104] — р. *Шакша* (в юго-западной части ИМЗ). Этимология подтверждается метонимической калькой в названии речки, начинающейся из того же болота, что и р. *Шакша*, — р. *Черная Грязь*. В юго-западной части ИМЗ ср. также такие названия, как бол. *Сахта* и болотистое оз. *Сахтыш* (см. выше). В северо-западной части ИМЗ есть топонимы от этого же этимона с метонимическими кальками в названиях соседних объектов, но в другой форме и с другим гласным первого слога: р. *Секша*, р. *Сегжа* (см. приложение);

▪ ф.-волж. *sarhe [UEW: 752], уточненная реконструкция *särnä ‘верба, ива’ [Aikio 2014: 137; Zhivlov 2014: 115] (прасаамского соответствия нет) — р. *Шарна́*, р. *Шарниха*, р. *Шарница* (все эти факты из северо-западной и северо-восточной части ИМЗ). В юго-западной части ИМЗ и в южной

части Ивановской области распространены топонимы от этого же этимона с огласовкой *e* в первом слоге: р. *Шерна*, р. *Шернога* / *Шорнега*, р. *Шорня* (из **Шерна*) [подробнее см.: Смирнов 2025: 73–74].

Отражение гласного на месте ф.-уг. **ä* в виде звука *a* в структуре финно-волжских языков действительно специфично именно для прасаамского, однако применительно к русской фонетической адаптации в субстратных топонимах ИМЗ в ряде случаев (например, в таких топонимах, как *Шакша*, *Шарна*) необходимо считаться с тем, что звук *ш* в этих названиях в древнерусском языке был мягким, так что эти примеры не могут быть дифференцирующими для различения качества звука *a* или *ä* в исходном этимоне. Качество исходного звука именно в виде, близком к заднеязычному *a*, восстанавливается на основе примеров типа *Варжевка* (вместо **Вяржевка*), *Пахна* (вместо **Пяхна*), *Сахта* (вместо **Сяхта*), т. е. с твердым начальным гласным в русском топониме. Вместе с тем считать, что подобные факты отражают диалект, генетически общий с прасаамским, было бы очень поспешно, так как другие фонетические особенности в этих же основах, например изменение ф.-уг. **s > ш* в топонимах *Шакша*, *Шарна*, не характерны для саамского, зато специфичны для марийского языка.

Топонимы со звуком *a* на месте ф.-уг. **ä* встречаются повсеместно в ИМЗ, особенно в юго-западной, северо-западной частях ИМЗ. Однако здесь же, на юго-западе и северо-западе, распространены случаи с появлением звука *e* на месте **ä* (*Пекша*, *Секша*, *Шерна*), что лишний раз свидетельствует о сложной и чересполосной языковой ситуации на всей территории ИМЗ, причем ареально определить и территориально противопоставить друг другу те или иные фонетические варианты зачастую пока очень трудно.

Основное специфичное для саамского языка явление — отражение ф.-уг. **ś* в виде аффрикаты, совпадающей с ф.-уг. **ś*, — в имеющихся калькированных данных не зафиксировано (см. примеры ниже, где приводятся фонетические особенности, сближающие с марийским языком).

3. Фонетические особенности топонимов, сближающие их с мордовскими языками

Ряд примеров, которые объединяют мордовские языки с прибалтийско-финскими, например сохранение ф.-уг. **a* и отражение звука на месте ф.-уг. **e* в виде *a*, был рассмотрен выше. Поэтому здесь мы приведем явления, которые ранее еще не фигурировали.

3.1. Отражение гласного первого слога на месте ф.-уг. **i* в виде *e*:

▪ ф.-уг. **kiwe* ‘камень’ [UEW: 163], праморд. **kev* [Ker: 58] — р. *Кёкса* (на северо-востоке ИМЗ, в бассейне р. Нея Костромской обл.). Этимология

подтверждается вариантом современного названия этой речки — *Каменка*. В большинстве случаев на юго-западе и северо-востоке ИМЗ эта основа отражается с гласным *и*, как в прибалтийско-финских языках (фин. *kiwi* ‘камень’): р. *Киба* (юго-запад ИМЗ, рядом р. *Каменка*), н. п. *Кибол* (юго-запад ИМЗ, стоит на р. *Каменка*), р. *Кисть* (юго-запад ИМЗ, с притоком р. *Каменка*, на ней н. п. *Каменка*, рядом н. п. *Киучер*), р. *Киевка* (северо-восток ИМЗ, рядом руч. *Камешнин*);

- ф.-перм. **kirä-* ‘рубить, бить’ [UEW: 666], праморд. **keřä* ‘рубить’ [Ker: 56] — омут *Керакса* (в юго-западной части ИМЗ). Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседней пожни *Большой Рублевик*;

- ф.-уг. **liwa* ‘песок’ [UEW: 250] (мордовского соответствия нет) — н. п. *Лев* / *Лёв* (совр. карт. *Львы* в юго-западной части ИМЗ). Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседнего н. п. *Песочное*. Топонимы с такой же основой *лев-* отмечаются в северо-восточной части ИМЗ: р. *Левакиша*, р. *Лёвангирь*⁶;

- урал. **pil’mtz* ‘темный’ [UEW: 381] — р. *Пельма* (в юго-восточной части ИМЗ). Этимология подтверждается возможной метонимической калькой в названии соседней р. *Чернуха*;

- ф.-уг. **p8nz* ‘сосна’ [UEW: 416], учитывая марГ. *n8in* ‘сосна’ [СГМЯ: 228], гласный первого слога может быть восстановлен в форме ф.-волж. **pinz* — р. *Пенюх* (в юго-восточной части ИМЗ). Этимология подтверждается метонимической калькой в названии бывшего н. п. *Бор* в устье этой речки и бывшего н. п. *Сорокинский Бор* в ее верхнем течении;

- ф.-перм. **wiskz* ‘промежуток, щель’ [UEW: 823] — многочисленные топонимы *Векса* в юго-западной и северо-восточной части ИМЗ, р. *Векса* с вариантом названия *Ивешка* (подробнее см. [Смирнов 2025: 66–67]).

Есть примеры отражения огласовки *e* не только на месте этимологического ф.-уг. **i*, но и на месте **i*, произошедшего из ф.-уг. **ü*, что также характерно для мордовских языков и противопоставляет их прибалтийско-финским языкам, в которых этимологическое ф.-уг. **ü* сохраняется: ф.-волж. **püšä*, фин. *pyhä* ‘святой’, эрз. *нежедемс* ‘клясться, божиться’ [ЭРС: 162], прасаам. **pesē* ‘святой’ [Lehtiranta 1989: № 866] — р. *Пёшпарм* (см. выше).

Сюда же относится рефлекс ф.-перм. **ülä* ‘верхний’ в форме *ел-* на части территории ИМЗ, ранее подробно описанный в статье [Смирнов 2017: 236–238].

⁶Ранее топоним р. *Лёвангирь* сопоставлялся с мар. *леве* ‘теплый’ [Матвеев 2015: 127, 196]. Учитывая приведенные в этом разделе факты, совпадение с марийским словом имеет высокую вероятность случайной межъязыковой омонимии.

Данная фонетическая особенность не является специфичной для прамордовского языка, подобное расширение гласного характерно также для прасаамского языка, где на месте ф.-уг. **i* и **ï* регулярно фиксируется прасаам. **e*. Ареал распространения примеров *e* на месте ф.-уг. **i* и **ï* в калькированных названиях достаточно широкий, он охватывает юго-западную, юго-восточную (нижнеклязьминскую) и северо-восточную часть ИМЗ, пока нет примеров для северо-западной части. В юго-западной и северо-восточной зонах распространение этого явления тяготеет к центральным районам ИМЗ, ближе к Волге, в ареале распространения топонимов *Векса* и топонимов с основой *ел-* ‘верхний’. В то же время в юго-западной и северо-восточной зоне ИМЗ есть случаи сохранения в топонимах этимологического звука **i* (в том числе из ф.-уг. **ï*), что характерно для прибалтийско-финских языков (см. выше *Киба*, *Кибол* и *Киевка*), прамарийского языка (р. *Шиморка*, совр. карт. р. *Черная*, ср. ф.-перм. **simz* ‘ржавчина’ [UEW: 758], прамар. **sim* ‘черный’ [EWT: 224], см. приложение), а также менее регулярно встречается в мордовских и саамском языках (полоса поля *Ширóкуши*, часть поля *Угловое*, ср. ф.-волж. **šürjä* ‘край, сторона’ [UEW: 779], праморд. **širä* ‘сторона’ [Кер: 158], см. приложение). Топонимы с гласным *e*, с одной стороны, и с гласным *и*, с другой стороны, на месте ф.-уг. **i* и **ï* могут принадлежать разным финно-волжским субстратным языкам на территории ИМЗ, особенно это касается примеров типа р. *Кекса* и н. п. *Кибол* от основы со значением ‘камень’, р. *Векса* и р. *Вишка* от слова со значением ‘исток из озера’.

3.2. Отражение гласного первого слога на месте ф.-уг. **ä* в виде *e* (особенность, характерная для эрзянского языка):

- ф.-волж. **päkšnä*, эрз. *pekše* ‘липа’ [UEW: 726] — р. *Пекшие* (два топонима в юго-западной части, один в северо-западной, этимологический разбор см. выше);

- ф.-волж. **šälV*, эрз. *селей* ‘вяз’ [ЭРС: 192] — р. *Шелекша* (в северо-восточной и северо-западной части ИМЗ), р. *Селекша* (в юго-западной части ИМЗ) (подробнее см. [Смирнов 2025: 74–76]);

- ф.-перм. **säksä* [UEW: 755], эрз. *сэкс* ‘грязь’ [ЭРС: 205] — р. *Секша*, р. *Сэгжа* (в северо-западной части ИМЗ). Этимология этих топонимов подтверждается метонимическими кальками: рядом с р. *Секша* находятся два соседних ур. *Секша* и ур. *Черное Болото*, рядом с верхним течением р. *Сэгжа*, параллельно ей течет р. *Янгосорха*, которая на основе саамского языка этимологизируется как ‘Болотная рассоха’. Есть также топоним р. *Секша* в южной части ИМЗ — на стыке юго-западной и юго-восточной зон;

- ф.-волж. **särnä* ‘верба, ива’ [Aikio 2014: 137; Zhivlov 2014: 115] (мордовских соответствий нет) — р. *Шерна*, р. *Шернога* / *Шорнега*, р. *Шорня*

(из **Шерня*) (топонимы в этой огласовке фиксируются в юго-западной части ИМЗ и в южной части ИМЗ, на границе юго-западной и юго-восточной зон, этимологический разбор см. в [Смирнов 2025: 73–74]).

Эта фонетическая особенность не является специфичной для эрзянского языка, есть случаи появления звука *e* на месте этимологического **ä* в марийском языке, ср. прамар. **šertñz* ‘верба’ [EWT: 227], хотя для марийского языка более регулярен рефлекс прамар. **i* или **ü* на месте ф.-уг. **ä* [Aikio 2014: 154, 155]. Топонимы с рассмотренной фонетической особенностью тяготеют к крайней юго-западной части ИМЗ в верхнем и среднем течении р. Клязьма и к северо-западной части ИМЗ. Они ареально противопоставлены топонимам с отражением звука *y* на месте этимологического **ä* (нижнеклязьминская лабиализация) [Смирнов 2015: 23–24], а также частично пересекаются с ареалом топонимов с отражением гласного *a* на месте ф.-уг. **ä*. Ареальная дистрибуция соответствий *a/e* на месте **ä* пока недостаточно изучена, но в целом можно заметить, что топонимы с огласовкой *a* тяготеют к более центральным районам ИМЗ — в зоне оз. Неро и Плещеево, а также в районах Костромской и Ивановской областей, прилежащих к Волге, в общем в тех районах, где мы отмечали расширение **i > e* (ареал *Векса* [см.: Смирнов 2025: 66]). В то же время топонимы с огласовкой *e* тяготеют к южной, северной и северо-западной периферии ИМЗ.

3.3. Изменение ф.-уг. **a >* праморд. **u* в словах типа **-aCi* [Zhivlov 2014: 125]⁷. Ф.-уг. **ani* ‘большой, много’ [Ibid.: 130] — оз. *Унаур* (на юго-востоке в нижнеклязьминской зоне, современное оз. *Великое*). Хотя в мордовских языках рефлексy этого слова не обнаружены, но фонетическое развитие основы *ун-* ‘большой, великий’ с появлением звука *y* на месте этимологического **a* в указанном фонетическом окружении характерно для мордовского языка, ср. ф.-перм. **tammi* ‘дуб’, морд. *tuma*, *tumo* [Ibid.: 132].

Сюда же относится возникновение на юго-западе ИМЗ рефлексов основы *тум-* ‘дуб’ (*Тума*, *Тумохта*) и *сул-* ‘соль’ (*Сула*, *Сулость*, *Сулать*, *Сулодь*), см. [Смирнов 2025: 71, 77–78].

Данное явление также нельзя отнести к сугубо специфичным для мордовских языков, ср., например, мар. *тумо* ‘дуб’ [СМЯ 7: 254].

Таким образом, фонетических изменений, специфичных именно для мордовского праязыка (например, интервокальное **-k- > -j-*, ср. **läkä* ‘долина, овраг’ > эрз. *l’ej*, мокш. *l’äj* ‘речка’ [UEW: 685]), в имеющихся данных с территории ИМЗ пока не найдено.

⁷ Знаком С в данном случае обозначается любой согласный.

4. Фонетические особенности топонимов, сближающие их с марийским языком

4.1. Шипящий рефлекс *ш* на месте ф.-уг. *š. Наиболее показательна эта особенность в начале слова:

▪ ф.-волж. *šälV / *šalV ‘вяз’, прамар. *šolâ [EWT: 243] — р. *Шелекша* (см. выше). Формы с начальным *ш*- распространены в северо-восточной и северо-западной части ИМЗ. На юге и юго-востоке ИМЗ в этой основе фиксируется начальное *с*- (*Селекша*, *Салеза*, *Салакса*, *Сало*);

▪ ф.-волж. *šürjâ ‘край, сторона’ [UEW: 779], праморд. *šīrâ ‘сторона’ [Ker: 158], прамар. *šör ‘сторона’ [EWT: 248] — полоса поля *Ширóкуши*, часть поля *Угловое* (в северо-восточной части ИМЗ), детерминант *-куши* сопоставляется с ф.-перм. *kuš ‘голый, голое место’ [UEW: 678], праморд. *kušâ ‘поляна’ [Ker: 74], т. е. ‘Крайняя поляна’, что семантически согласуется с русским названием этого же поля *Угловое*;

▪ ф.-волж. *šelkâ ‘спина’ [UEW: 772], прамар. *šilz ‘поясница’ [EWT: 229], фин. *selkä* ‘спина’, карел. *šelgä* ‘спина, горный кряж’, на Русском Севере от этого этимона засвидетельствованы заимствования *шáлга* ‘глухой лес’, *сельга* ‘продолговатая возвышенность, покрытая лесом’ [Матвеев 2004: 209] — р. *Шóлга* (в северо-восточной части ИМЗ, предположительно из **Шелга*, о переходе **e* > *o* на русской почве в топонимах ИМЗ см. [Смирнов 2025: 74]). Этимология подтверждается междиалектной топонимической калькой в названии соседнего леса *Кужлево*, ср. мар. *кожла* ‘лес’ [СМЯ 2: 372];

▪ ф.-волж. *šogra, марЛ. *шўргö*, марГ. *шыргы* ‘лес’ [СМЯ 9: 418]⁸, от этого этимона образован русский северный диалектизм *сóгра* ‘болотистая равнина с кочкарником, ельником’ [Даль 4: 259] — р. *Шохрá* (в северо-восточной части ИМЗ), этимология подтверждается метонимическими кальками в названии р. *Межа*, р. *Мичуг* (см. в первой части статьи), а также засвидетельствованным в словаре В. И. Даля костромским диалектизмом *шóхрá* ‘лес по болоту’ [Там же: 642]. Топонимы *Шохра* фиксируются неоднократно в Костромской области (северо-восточная часть ИМЗ). В полевых материалах [ПМ] для топонима р. *Шохра* засвидетельствован также вариант *Сохрá*, что позволяет исключить первоначальную огласовку **Шехра* в этих названиях;

▪ урал. *šurme ‘дикий зверь’, марЛ. *šurmanše* ‘рысь’ [UEW: 490] — н. п. *Шурма* (в юго-западной части ИМЗ). Этимология находит поддержку в названии соседней р. *Маска*, на которой находился н. п. Зиновьево с параллельным названием *Шурма*, по соседству совр. н. п. *Новая Шурма*, ср. марЛ. *маска*, марГ. *мöска* ‘медведь’ [СМЯ 4: 26]. Этимон урал. *šurme ‘дикий

⁸ Об этимологическом сближении рус. диал. *согра* и мар. *шўргö* см. [Смирнов 2015: 60].

зверь' имеет в разных финно-угорских языках рефлексy, относящиеся к разным хищным животным, часто бывшим предметом табуирования наименований (ср. саам. кильд. *t'šir̥m* 'волк, черт' [UEW: 490]), поэтому в диалектах ИМЗ это слово могло обозначать в том числе медведя.

Данная фонетическая особенность специфична для марийского языка, в других финно-пермских языках на месте ф.-уг. *š- в начале слова фиксируются в основном свистящие звуки: *s* — в прибалтийско-финских языках (за исключением более позднего карельского š-), *ś* — в мордовских языках, свистящая аффриката *ś* — в саамском языке. Ареально рассматриваемая особенность распространена широко в северо-восточной части ИМЗ, меньше — в северо-западной и юго-западной части.

4.2. Шипящий рефлекс *ш/ж* на месте ф.-уг. *s:

▪ урал. **was*a 'левый' [UEW: 559] + суффикс *-n, ср. фин. *vasen* 'левый' — р. *Важня* (в юго-восточной части ИМЗ, см. выше). По всей видимости, этот топоним можно ареально и фонетически противопоставить топониму с юго-западной территории ИМЗ р. *Возноболь* (левый приток р. Волнушка в бассейне р. Нерль);

▪ ф.-перм. **wisk*z 'промежуток, щель' [UEW: 823] — р. *Ивешка*, р. *Вешка* (в северо-восточной части ИМЗ), р. *Вешка* / *Веска*, р. *Вишка* (в юго-западной части ИМЗ) [см.: Смирнов 2025: 66–67]. Топонимы со звуком *ш* в основном сдвинуты к краям ареала ИМЗ, в то время как в центральной части ИМЗ (окрестности оз. Неро и юго-запад Костромской обл.) отмечены топонимы со звуком *с* в этом слове: р. *Векса*, р. *Веска* (см. карту 2 в первой части статьи [Смирнов 2025: 66]);

▪ урал. **kose* 'ель' [UEW: 222], мар. *кож* 'ель' [СМЯ 2: 367], *кожла* 'лес' [Там же: 372] — лес *Кужлево* (в северо-восточной части ИМЗ). Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседней р. *Шолга* (см. выше);

▪ ф.-перм. **säksä* 'грязь' [UEW: 755], марЛ. *šükšö* 'изношенный, скверный' [Aikio 2014: 155] — р. *Шакша* (в юго-западной части ИМЗ, обоснование этимологии см. выше). В ИМЗ также широко фиксируются топонимы с начальным звуком *с*- от этого этимона (*Сахта*, *Сахтыш*, *Секша*, *Сегжа*, см. выше);

▪ ф.-волж. **särnä* 'верба, ива' [Ibid.: 137; Zhivlov 2014: 115], прамар. **šertńz* 'верба' [EWT: 227] — р. *Шарна*, р. *Шарниха*, р. *Шарница*, р. *Шерна*, р. *Шернога* / *Шорнега*, р. *Шорня* (см. выше);

▪ ф.-перм. **sim*z 'ржавчина' [UEW: 758], марГ. *шим* 'черный' [СМЯ 9: 80] — р. *Шиморка* (в юго-западной части ИМЗ). Этимология подтверждается современным названием этой речки — *Чёрная*, исток которой расположен

рядом с оз. *Шумское* (? **Шимское*). Так же как в случае с ф.-перм. **säksä* (см. выше), в ИМЗ распространены названия с начальным *с-* предположительно от этого же этимона: н. п. *Сима* на р. *Симка*, р. *Сими́га* / *Семига*, оз. *Семхра*, р. *Синдер* (? **Симингер*, в исторических источниках также р. *Черная*). Все эти примеры с начальным *с-* фиксируются в юго-западной и юго-восточной зонах ИМЗ. О рефлексе *е* на месте ф.-уг. **i* в подобных примерах см. выше.

4.3. Шипящий рефлекс ч (в начале слова) либо ж/ш (в середине слова) на месте ф.-уг. *č (в других финно-волжских языках представлены свистящие звуки):

- ф.-уг. **теśä* ‘край’ [UEW: 269] — р. *Межа*/Мёжа (северо-восток ИМЗ [см.: Смирнов 2025: 68]). Аналогичный рефлекс интервокального ф.-уг. *č можно наблюдать в марийском языке, ср. урал. **kočz* ‘длинный’ [UEW: 180] > мар. *кужу* ‘длинный’ [СМЯ 3: 98]. Как уже ранее было указано, высока вероятность, что в западной части Костромской области основа *меж-* ‘лес’ представлена со свистящим звуком на месте ф.-уг. *č (*Мёза*, *Мезенда*);

- отыменной суффикс ф.-уг. *č [ОФУЯ 1974: 337] — р. *Томша* (три названия, представлены на северо-востоке и северо-западе ИМЗ, обоснование этимологии от основы *том-* ‘дуб’ см. в первой части статьи [Смирнов 2025: 71–72]). С точки зрения словообразовательной модели суффикс *-ш* в топониме *Томша* соответствует суффиксу *-з* в топонимах *Ламза*, *Ламзинская Гора* (см. выше в первой части статьи). Оба элемента (*-ш* и *-з*) в этих примерах присоединяются к основе, обозначающей вид дерева, и, очевидно, являются разными фонетическими рефлексами одного суффикса. Как уже отмечалось выше, ареально топонимы *Ламза*, *Ламзинская Гора* совпадают с районом географической привязки топонимов *Ме́за* и *Мезенда*, в которых также предполагается рефлекс *з* на месте ф.-уг. *č. Аналогичный суффикс, скорее всего, также фиксируется в топониме *Варжевка* от урал. **wärä* ‘гора’ (см. выше), ср. словообразовательное соответствие от этой же основы с этим же суффиксом в эрз. *верце* ‘верхний’ [ЭРС: 50];

- урал. **čikkz* ‘холм’ [UEW: 42] — н. п. *Чухолза* (юго-запад ИМЗ). Этимология находит поддержку в названии соседнего н. п. *Горки* (на карте между н. п. Чухолза и н. п. Горки обозначен ряд холмов), ср. также название города *Чухлома* (северо-восток ИМЗ), происхождение основы которого от указанного этимона обосновывает А. К. Матвеев [2015: 149–152]. Аналогичный рефлекс начального ф.-уг. *č- в виде шипящей аффрикаты *ч-* среди финно-волжских языков характерен для лугового наречия марийского языка, ср. ф.-уг. *čšlkz- ~ *čšlkz ‘блестеть’ [UEW: 47] > марЛ. *чылгыжаиш* ‘блестеть, сверкать, сиять’ [СМЯ 8: 481; EWT: 6].

Рассмотренные фонетические особенности тесно связаны с явлениями в области консонантизма, специфичными именно для марийского языка по сравнению с другими финно-волжскими языками. Тем не менее этих фонетических особенностей недостаточно, чтобы возводить финно-волжские лексические факты субстратной топонимии ИМЗ к прамарийскому языку либо общему марийско-мерянскому праязыку. Во-первых, в субстратной топонимии ИМЗ широко представлены случаи со свистящими рефlekсами на месте этимологических ф.-уг. *s, *ś, *ś, причем часто в тех же основах, в которых фиксируется шипящий рефлекс *ш/ж*. Это по меньшей мере свидетельствует о разнородности субстратных языков на территории ИМЗ. Во-вторых, во многих формах с шипящим *ш* при вроде бы марийском консонантизме фиксируется далеко не марийский вокализм. Например, *Шакша* при мар. *шүкшö*, *Шохра* при мар. *шүргö*, *Шелекша* при мар. *шоло*. В-третьих, в топонимии ИМЗ пока не найдено примеров некоторых других характерных дифференцирующих марийских фонетических особенностей, например рефлекса прамар. *й на месте ф.-уг. *ǵ (*j) [Aikio 2014: 155].

5. Специфичные для топонимов ИМЗ фонетические особенности

Ранее уже были описаны два специфичных для финно-волжских языков ИМЗ фонетических процесса:

1) нижнеклязьминская лабиализация в юго-восточной части ИМЗ (см. выше: *Куржа*, *Люлех*) [Смирнов 2015: 23–24];

2) возможное изменение *-ks- > -xm- в западной части ИМЗ (см. выше: бол. *Сахта*, гидроформант -*Vхта*).

Эти особенности не повсеместны в ИМЗ, а ареально ограничены. Других специфичных для ИМЗ фонетических особенностей на основе имеющегося калькированного материала надежно выделить пока не представляется возможным.

6. Структурно-словообразовательные особенности в волжско-финских языках ИМЗ

В некоторых субстратных топонимах ИМЗ можно предполагать словообразовательные суффиксальные модели, которые находят соответствие в ряде финно-волжских языков. Например, топонимы с основой *шумар-* (*Шумара*, *Шумарка*, *Шумарское*) и *шимор-* (*Шиморка*) словообразовательно соответствуют фин. *hämärä* ‘темный’, карел. *muhera* ‘темный’ [SKES: 348]

с суффиксом *-r [ОФУЯ 1974: 352]. Очевидно, что по этой же словообразовательной модели образован и топоним р. *Мстера* (юго-восток ИМЗ), ср. фин. *musta* ‘черный’. Этимология подтверждается географической реальей (вода в речке черная) и наличием на юго-востоке ИМЗ другого топонима от основы, сопоставляемой с фин. *musta* ‘черный’: н. п. *Моста* возле оз. *Чёрное* (см. прил.). Другой пример с этим суффиксом: р. *Качкур* от ф.-перм. **kaške* ‘горький’, ср. фин. *katkera* ‘горький’.

Топонимы р. *Важня* и р. *Возноболь* возводятся к урал. **wasa* ‘левый’ (см. выше), с суффиксом, также аналогичным прибалтийско-финским данным, ср. фин. *vasen* ‘левый’. Все эти примеры — из юго-восточной и юго-западной частей ИМЗ.

Примеры из северной части ИМЗ иллюстрируют словообразовательные аналогии с марийским языком:

- лес *Кужлево* от урал. **kose* ‘ель’ [UEW: 222], ср. мар. *кож* ‘ель’ [СМЯ 2: 367], *кожла* ‘лес’ [Там же: 372];
- р. *Томанка* от ф.-перм. **tammi* ‘дуб’, ср. продуктивную в марийском языке словообразовательную модель относительных прилагательных с суффиксом *-ан* [ОФУЯ 1976: 52].

Вместе с тем в субстратной топонимии ИМЗ распространены некоторые специфичные словообразовательные модели (этимологии топонимов см. выше и в приложении):

- отыменной суффикс *-з/-с/-ш* (ф.-уг. **-ś*), особенно в сочетании с названиями деревьев: *Ламза*, *Ламса*, *Салеза*, *Томша*;
- отыменной суффикс *-Vm(a)* (ф.-уг. **-m*), имеющий аналогии в разных финно-угорских языках [ОФУЯ 1974: 344]: *Вочема*, *Колдома*;
- отглагольный суффикс *-м*, восходящий к финно-угорскому суффиксу **-m*, образующему инфинитивы, причастия и существительные от глаголов в разных финно-угорских языках [Там же: 345]: *Бремболка*, *Воймега*;
- суффикс *-Vим(a)* — *Полешма*.

Это лишь немногие примеры словообразовательных моделей в субстратных языках ИМЗ, которые удалось выявить при анализе калькированных названий. В дальнейшем их список может быть уточнен и дополнен. В любом случае указанные словообразовательные примеры не могут быть соотнесены с каким-то одним финно-волжским языком. Они, так же как фонетические особенности, демонстрируют языковую специфику и несводимость топонимического субстрата ИМЗ к какому-либо определенному из известных финно-угорских языков.

Заключение

Проанализированные в статье факты калькированных топонимов демонстрируют фонетические и словообразовательные особенности субстратных финно-угорских языков ИМЗ. Соответствующий материал свидетельствует о принадлежности этих языков к финно-волжской ветви. Вместе с тем он показывает всю сложность и неоднозначность получаемых результатов. Так, рассмотренные топонимы убедительно демонстрируют языковые различия среди субстратных языков ИМЗ, которые вряд ли можно свести к диалектным различиям. Одни фонетические формы основ (например, *сал-* ‘вяз’) с точки зрения исторической фонетики генетически сближаются с прибалтийско-финскими языками, другие формы этих же основ (*шел-* ‘вяз’) — с мордовскими (по вокализму) и марийским языком (по консонантизму). Эти различия зачастую ареально переплетены, их изоглоссы пересекаются (например, шипящие или свистящие рефлексы на месте ф.-уг. **s*, звуки *a* или *e* на месте ф.-уг. **ä* и т. д.). Уже сейчас понятно, что диалектное членение на ростовскую, костромскую мерю и нижнеклязьминскую мурому [Напольских, Савельев 2023: 13, 16] с четкой ареальной противопоставленностью этих диалектных зон упрощает ситуацию. Принадлежность топонимических фактов внутри Костромской области разным финно-угорским языкам (например, *Тамар* и *Ламза*, *Векса* и *Вешка*, *Межа* и *Меза*) демонстрирует, что так называемая костромская мера была неоднородна. То же самое относится к западной, «ростовской мере» (ср. выше этимологию топонимов *Шакша* и *Сахта*).

Разнородность материала, а также обилие случаев, когда в одной основе объединяются фонетические черты разных финно-волжских языков (например, марийский консонантизм при саамском вокализме в основах *шаки-* ‘грязь, болото’, *шарн-* ‘верба’, марийский консонантизм при мордовском вокализме в основе *шел-* ‘вяз’, прибалтийско-финский консонантизм при мордовском вокализме в основе *там-* ‘черемуха’), позволяют поставить под сомнение прямолинейный подход о генетическом объединении мерянских диалектов в генеалогической классификации в общую подгруппу с одним из финно-волжских языков, например марийским, (мерянско-марийская подгруппа) [Там же: 13–14]. Похоже, что такое объединение пока преждевременно констатировать не только в отношении языков всей мерянской зоны, но даже в отношении какой-то их части (например, «костромской меры»).

Этимологическое единство этнонимов *мари*, *меря* и *мурома* [Там же] сомнений не вызывает, и это, конечно, серьезный, но далеко не достаточный аргумент в пользу происхождения этих языков из единого праязыка. В любом случае нестыковки между единством этимологии этнонимов *мари*, *меря* и *мурома* от одной праформы и разнородностью, несводимостью к единому

(достаточно молодому) праязыку лексических фактов языков этих народов требуют объяснения.

Не претендуя на истину, автор данной статьи вполне правдоподобной видит следующую гипотезу (во всяком случае, по-другому вышеназванное противоречие объяснить трудно). Известны факты, когда иноязычный этноним (либо название какой-то социальной группы) в качестве самоназвания переходит к другим народам (ср. этнонимы *русь*, *болгары*), в том числе родственным (ср. историю этнонима *венсы* [Напольских 2015: 270–276]). Фонетические закономерности указывают на то, что праформа этнонима **mārə* возникла именно в прамарийском языке [Напольских, Савельев 2023: 21–24] либо в каких-то протомерянских диалектах, в которых, так же как в прамарийском, произошел переход ф.-уг. **a > *ā* либо **o* (см. следы таких диалектов в топонимии ИМЗ, описанные выше), из-за чего гласного *a* в этих диалектах просто не существовало и иноязычный гласный *a* адаптировался как *ä*. Значение иранского этимона **mārya-*, от которого происходит этноним **mārə*, говорит о принадлежности лиц, обозначавшихся этим названием, к военному сословию с высоким социальным статусом [Напольских 2024: 18]. Подобные иранские военные отряды, по всей видимости, первоначально проникли и интегрировались в волжско-финскую среду в низовьях Оки и Суры на правобережье Волги, причем в ту языковую волжско-финскую среду, где и возникла форма **mārə*. Там они могли выполнять роль своего рода предводительских дружин, собирая дань, защищая от врагов и фактически формируя предгосударственное образование. Ираноязычные члены таких дружин могли достаточно быстро перейти на волжско-финский язык (как это было, например, со скандинавской русью среди восточных славян). В эти воинские объединения со временем могли интегрироваться и собственно этнические волжские финны. Безусловно, такие дружины могли распространять свое влияние на соседние волжско-финские народы (и скорее всего, так оно и должно было быть). Территориально это могло происходить в зоне распространения городецкой культуры [АВУ: 313–338], которая находилась под иранским влиянием, хронологически совпадает с реконструируемым временем образования этнонима **mārə* (вторая половина I тыс. до н. э.) [Там же: 323–328; Напольских 2024: 17, 21–22] и в северной своей части охватывает бассейн нижнего течения Суры и Оки, т. е. территорию прародины марийцев, с одной стороны, и муромы с мерей — с другой [АВУ: 315–316]. Самоназвание иранского происхождения в форме **mārə* в этом случае (в силу высокого социального статуса его носителей) перешло к соседним финно-волжским племенам, говорившим на родственных языках и захваченным соответствующим предгосударственным образованием, — так же как скандинавский этноним *русь*

перешел через аналогичные механизмы к широкому кругу племен восточных славян (единственное отличие в том, что языки волжских финнов значительно сильнее отличались друг от друга, чем диалекты восточных славян). Сложно утверждать, что первичным источником распространения этнонима **märä* в волжско-финской среде был именно прамарийский язык, поскольку археологические данные свидетельствуют о первоначальном распространении городецкой культуры по Оке (вероятная прародина мери) — и лишь позднее в бассейне Суры, где могла быть прародина марийцев. Но в любом случае он проник в форме **märä* в прамарийский язык, а также в другие соседние волжско-финские языки в рамках описанного выше исторического сюжета. На достаточно древнюю хронологию распространения этнонима **märä* в волжско-финской среде (до н. э.) указывает то, что он претерпел у разных волжских финнов свои особенные последующие фонетические изменения:

**märä* > *меря* — по аналогии с переходом **ä* > *e* в ряде диалектов ИМЗ, отраженном в основах *пекиш*- ‘липа’, *шел*- ‘вяз’, *шерн*- ‘верба’;

**märä* > *мур(ома)* на юго-востоке ИМЗ в муромском языке — по аналогии с переходом **ä* > *y* (ю), отраженным в основах *курж*- ‘левый’, *люл*- ‘ольха’, *юхр*- ‘озеро’;

**märä* > *мари* в марийском языке [Напольских, Савельев 2023: 21–23].

Народная и социальная память о марийцах как о воинах, а также соответствующий характер социальной организации и поведения прямых потомков прамарийцев сохранялись долго, что нашло отражение в возникновении в I тыс. н. э. в тюркской среде этнонима *черемис* из древнетюркского слова со значением ‘исполчившийся, воинственный’ [Напольских 2024: 22], а также в ассоциации черемисов с воинственным народом (черемисские войны) вплоть до эпохи Ивана Грозного.

Обнаружение и этимологический разбор калькированных топонимов — не исчерпывающая процедура для реконструкции финно-волжских языков ИМЗ. Фактически это начальный этап, при котором калькированные названия могут стать важным ключом к дальнейшей этимологической дешифровке выявленного топонимического материала. Описанные фонетические и словообразовательные особенности подлежат дополнительному уточнению в последующих работах, где предполагается рассмотреть другие топонимические факты ИМЗ с высокой вероятностью неслучайности этимологических реконструкций.

**Выборка калькированных географических названий
из каталога топонимов финно-угорского происхождения
исторических мерянских земель**

В приложении представлена выборка из 88 рассматриваемых в статье географических названий финно-угорского происхождения из каталога топонимов ИМЗ. Каталог представляет собой компьютерную базу данных, которая структурирована в электронной таблице формата Excel. По сути дела он заменяет собой традиционный словарь либо бумажную картотеку, но только с более широкими функциональными возможностями для исследователя. Выбранный компьютерный формат позволяет осуществлять быстрый поиск, фильтрацию (выборку) и группировку топонимов по любым признакам, в том числе по элементам в середине слова, в конце слова, по бассейнам рек, административным областям, источникам информации и т. д., делает возможным быстро копировать как всю базу данных, так и выборки из нее в отдельные файлы. Такой формат разрешает дополнять базу данных, вносить правки, примечания, структурировать ее под собственные нужды, т. е. использовать не только как «настольную книгу», но как полноценный рабочий инструмент исследователя. Кроме того, структурирование информации в электронной таблице Excel создает возможности быстрого перенесения базы данных в специализированные программные средства для дополнительных функций автоматизации. Например, наличие столбца с географическими координатами делает возможным в будущем автоматизировать процесс отображения топонимов на карте. Преимуществом файла Excel является также то, что он работает в офлайн-формате, т. е. не требует подключения к интернету.

В настоящее время в каталоге содержится 2 100 записей географических названий (1 запись = 1 строка каталога = аналог заглавной словарной статьи). Каждая запись структурирована столбцами электронной таблицы, содержащими определенную информацию:

- в столбце «Топоним» в качестве заглавной формы дается современная картографическая форма топонима либо — при ее отсутствии — форма, засвидетельствованная в полевых материалах или письменных источниках;

- в столбце «Источник информации» обозначается источник информации заглавной формы топонима, приведенной в столбце «Топоним»; сокращения источников информации унифицированы, что позволяет осуществлять группировку и выборку топонимов по этому признаку;

- в столбце «Вид объекта» приводится вид географического объекта, к которому относится топоним; если указанный топоним в одной и той же форме соотносится с разными физически связанными друг с другом объектами, то виды этих объектов обозначаются через запятую, например «оз., р.», т. е. озеро и вытекающая из него река, или «р., н. п.», т. е. река и населенный пункт на ней; если топоним приводится по полевым исследованиям, то через запятую могут быть даны варианты видов объекта для этого названия, зафиксированные в полевых материалах;

■ в столбце «Локализация» обозначается административная область, затем через знак «/» — бассейн реки с притоками, которые последовательно даются также через знак «/»; указанный формат позволяет производить фильтрацию и выборку топонимов по административным областям и бассейнам рек, для этого все написания административных единиц, рек и применяемых сокращений унифицированы;

■ в столбце «Географические координаты» сначала дается северная широта, затем восточная долгота в формате, который используется в Яндекс-картах (десятичный формат деления градусов); для топонимов, локализованных на карте, точность координат дается с третьим знаком после точки, если топоним локализуется по полевым либо историческим записям и на современных топографических картах его не удалось однозначно определить, то координаты даются с точностью до двух или до одного знака после точки (в зависимости от степени точности локализации); координаты позволяют осуществлять компьютерное нанесение топонимов на картографические подосновы;

■ в столбце «Примечания, фиксации в других источниках» подаются варианты фиксации названия в других источниках, для современных топонимов — формы названия, засвидетельствованные для данного объекта в исторических источниках; приводятся также другие важные для этимологии сведения, в том числе сведения о соседних объектах, названия которых могут быть языковыми кальками;

■ в столбце «Этимология» приводится этимология топонима, если она есть. В настоящее время надежные этимологии, отвечающие критериям наиболее высокой степени вероятности, автором данной статьи проработаны и отражены в каталоге для 550 топонимов.

Ввиду того что в табличном представлении выборка калькированных топонимов из каталога неприемлема для журнальной публикации, она преобразована в привычный словарный формат и по сути представляет собой опыт этимологического словаря топонимов, содержащего в большинстве своем впервые публикуемые авторские этимологии.

В словарной статье дается: заглавная форма топонима (полужирным курсивным начертанием); вид географического объекта; географические координаты (в круглых скобках); ссылка на источник информации заглавной формы (в квадратных скобках); указание на административную область, где зафиксирован топоним⁹; примечания (после пометы «Прим.»); за знаком ♦ приводится этимологическая часть словарной статьи. Заглавная форма, вид объекта, географические координаты, примечания подаются согласно описанным выше принципам, принятым в каталоге.

Ашка, р. (57.276, 38.572) [Матвеев 2015: 189; АРГ: 157–158, № 164]. Ярослав. *Прим.*: в Подольском стане Ростовского уезда, там же указано *Белое болото* [АРГ: 157–158, № 164]; ср. н. п. *Подол* на р. *Талица*, в низовьях которой

⁹ В отличие от каталога мы решили сократить в данной выборке локализацию топонимов указанием только на административную область, поскольку более точная привязка дается посредством географических координат.

болота [АЯО: 98, 62]; р. *Талица* [Менде 1857]; бол. *Ашка* [Ahlqvist 1992: 18]. ♦ ‘Белая (светлая)’: *ашка* ~ ф.-уг. **aška* ‘белый’ [UEW: 3], ф.-волж. **akša* (< балт., ср. лит. *aiškus* ‘светлый, ясный’) [Напольских 2015: 48]. Надежность этимологии подтверждается метонимической калькой в названии соседнего бол. *Белое* [Матвеев 2015: 189]. Вместе с тем, учитывая, что в волжско-финские языки это слово заимствовано из балтских, топоним может иметь балтское происхождение, в пользу этого — топонимы с основой *Вокш-* в ИМЗ (ср. *Вокшинка*).

Болбора, ур. (56.56, 41.06) [АВО: 21, а2¹⁰]. Иван. *Прим.*: н. п. *Балбары* [Менде 1850]; рядом р. *Варжевка* и н. п. *Красная Горка* [АВО: 21, а1]. ♦ ‘Деревенская гора’: первична форма *Балбары*: *бал-/бол-* — основа, соответствующая мерянскому ойконимическому детерминанту *-бол/-бал* ‘поселение, деревня’ [Матвеев 2015: 56–65]; *-бора/-бары* ~ урал. **wärä* ‘гора’ [Zhivlov 2014: 120, 127]. Надежность этимологии подтверждается названием рядом протекающей р. *Варжевка* (см. *Варжевка*) и частичной метонимической калькой в названии соседнего н. п. *Красная Горка*.

Брембола, н. п. (56.747, 38.914) [АЯО: 115, а2]. Яросл. *Прим.*: н. п. *Большая* и *Малая Брембола* [АЯО: 115, а2, 62]; н. п. *Брэмбола* [Ahlqvist 1992: 6]; н. п. *Бренбал / Бренбола* [Алквист 2001: 452]; в 5 км северо-западнее есть овраг *Бремболка* — у н. п. *Городище*, возле этого оврага было мерянское городище [Леонтьев 1996: 28, 48, 282; Уваров 1871: 645]. ♦ ‘Огороженная деревня (городище)’: *брем-* ~ ф.-волж. **pire* ‘круг, ограничивать’ [UEW: 384], праморд. **pirä* ‘огород’ [Ker: 113]. Слог *-ем-* в первоначальном др.-рус. **ньрем-* является отражением продуктивного в финно-пермских языках суффикса **-m* [ОФУЯ 1974: 345], образующего инфинитивы, причастия и существительные от глаголов, ср. эрз. *пирямо* ‘загораживание, окружение’ [ЭРС: 167]; *-бола* — мерянский ойконимический детерминант *-бол/-бал* ‘поселение, деревня’ [Матвеев 2015: 56–65]. Изменение др.-рус. **ньрем-* > *брем-* предполагает заимствование топонима до падения редуцированных в древнерусском языке, т. е. не позднее X–XI вв. Надежность этимологии подтверждается археологической реальностью и метонимической калькой: н. п. *Городище*.

Важня, р. (56.103, 42.632) [АВО: 65, 61]. Влад. *Прим.*: левый приток р. Суворощь, начинается рядом с р. Куржа; р. *Важня* [Менде 1850; Смолицкая ГБО: 228]. ♦ ‘Левый’: *важн-* ~ урал. **wasä* ‘левый’ [UEW: 559] + суффикс **-n*, ср. фин. *vasen* ‘левый’. Надежность этимологии подтверждается реальностью и междиалектной топонимической калькой: р. *Куржа* (ср. морд. *кержа* ‘левый’, см. *Куржа*). Топоним находится в ареальной зоне, где древний звук ф.-уг. **a* сохраняется, и в отношении дополнительной дистрибуции он противопоставлен зоне, где фиксируется аналогичная основа *возн-*.

¹⁰При ссылке на атласы указаны страница и квадрат карты на этой странице атласа.

Вареха, р. (55.438, 41.479) [АВО: 90, 64]. Влад. Прим.: рядом берет начало р. *Варюха* (впадает в р. Ушна [АВО: 90, 62]; рядом н. п. *Верхоунжа* [АВО: 90, 64]). ♦ ‘Верхняя речка’: *вар-* ~ урал. **wärä* ‘гора’ [Zhivlov 2014: 120, 127], к семантическому переходу ‘гора’ → ‘верх’ ср. праморд. **wärä* ‘вверху’ [Ker: 186]; -*еха* — гидронимический формант в юго-восточной (нижнеклязьминской) зоне ИМЗ ~ урал. **joke* ‘река’ [UEW: 99]. Надежность этимологии подтверждается географической реалией (верхний приток р. Унжа) и частичной топонимической калькой: н. п. *Верхоунжа*.

Варжевка, р. (56.570, 41.043) [Яндекс карты]. Иван. Прим.: р. *Варжевка* / *Варжавка* [Смолицкая ГБО: 218]; р. *Дмитровка* [Менде 1850]; по информации местных жителей называется р. *Узінка* (ранее также *Ужінка*); на ней н. п. *Красная Горка* [АИО: 20], рядом ур. *Болбора* (см. выше). ♦ ‘Горная’: *вар-* ~ урал. **wärä* ‘гора’ [Zhivlov 2014: 120, 127]; -*ж* — отыменной суффикс ~ ф.-уг. **-ć* [ОФУЯ 1974: 337] (ср. *Верчуга*); -*евка* — русский суффикс. Надежность этимологии подтверждается частичной метонимической калькой в названии н. п. *Красная Горка*.

Воймега, р. (55.745, 39.825) [АВО: 72, 64]. Моск. Прим.: речка болотистая, рядом руч. *Болотный* [АМО: 84, а1], обширные болота и ур. *Бабино Болото* [АВО: 72, 64]; р. *Воймага* [Менде 1850]; р. *Воймига*, оз. *Воймежное* [Смолицкая ГБО: 225]. ♦ ‘Болотистая река’: *вой-* ~ ф.-уг. **waja-* ‘тонуть, вязнуть’ [UEW: 551; Zhivlov 2014: 129]; -*м* ~ отглагольный финно-пермский суффикс **-m* [ОФУЯ 1974: 345], образующий причастия и существительные от глаголов (ср. *Брембола*); -*ега/-ига/-ага* — варианты гидронимического детерминанта -(*V*)*ga* в ИМЗ ~ урал. **joke* ‘река’ [UEW: 99]. Надежность этимологии подтверждается географической реалией и метонимической калькой в названии руч. *Болотный*, структурной прозрачностью, регулярностью соответствия звука *о* в топонимах ИМЗ ПФУ **a*, а также наличием других аналогичных названий с этой основой в ИМЗ.

Войнинга, р. (56.095, 40.801) [АВО: 58, а2]. Влад. Прим.: протекает через болотистый участок *Мерское болото* [ЗВ-ГС: 23] возле н. п. Судогда; р. *Воймега* [Менде 1850; Смолицкая ГБО: 226]. ♦ ‘Болотистая река’: современная картографическая форма искажена, первоначально *Воймега*: см. *Воймега*. Надежность этимологии подтверждается географической реалией (протекает через *Мерское болото*) и другими топонимами с основой *войм-* (ср. *Воймас*, *Воймега*, *Воймига*, *Воймица*).

Вокшинка, р. (57.686, 40.557) [АЯО: 82, а2]. Яросл. Прим.: впадает в оз. *Чистое* и р. *Черная*; р. *Вóкишинка* [ПМ]. ♦ ‘Белая (светлая, чистая)’: *воки-* ~ ф.-уг. **aška* ‘белый’ [UEW: 3], ф.-волж. **akša* (< балт., ср. лит. *aiškus* ‘светлый, ясный’) [Напольских 2015: 48]. Начальное *в-* — протетическое (ср. *Волнога*);

-инка — русский суффикс. Надежность этимологии подтверждается микро-системной семантической связью с топонимами оз. *Чистое* и р. *Черная*, а также регулярностью соответствия звука *о* в топонимах ИМЗ ПФУ **а*.

Воложница, р. (58.153, 41.565) [АКО: 125, а2]. Костр. *Прим.*: р. *Воложница* / *Воложница* [ПМ]; в нее впадают р. *Белая* [ПМ] и р. *Черная* [АКО: 124, 62]. ♦ ‘Белая (светлая)’: *волож-* ~ ф.-волж. **walkz* ‘белый, светлый’ [UEW: 554], урал. **wilki* ‘светлый’ [Zhivlov 2014: 136], изменение **волг-* > **волож-* возникло на русской почве; -ница — русский суффикс. Надежность этимологии подтверждается калькированием в названии притока р. *Белая* и наличием других топонимов с этой основой в ИМЗ (р. *Волга*, р. *Вольга*), а также регулярностью соответствия звука *о* в топонимах ИМЗ древнему звуку **а*, в том числе произошедшему из урал. **j* (ср. *Волнога*).

Вочема, р. (58.675, 43.480) [АКМ Костр]. Костр. *Прим.*: р. *Вочема* [АКО: 83, 62]; рядом с н. п. *Городище* и р. *Соег*. ♦ ‘Городище’: *воче-* ~ **woča* ‘забор’ > морд. *ош* ‘город’, хант. *waš*, *woš* ‘то же’, манс. *ош*, *ис* ‘то же’ [UEW: 577]; -ма — отыменной суффикс ~ ф.-уг. **-m* [ОФУЯ 1974: 344] (ср. *Яхрома*). Надежность этимологии подтверждается двойной метонимической калькой: н. п. *Городище* и р. *Соег* [см.: Матвеев 2007: 140].

Гда, р. (57.130, 39.396) [АКМ ВОМ; Титов 1885: 7]. Ярослав. *Прим.*: совр. р. *Сара*. ♦ ‘Речка’: *гда* ~ соответствует гидронимическому детерминанту -*Vxma/-Vгда* в ИМЗ [Матвеев 2015: 94–101] в самостоятельном топонимическом употреблении, который, возможно, является локальным диалектным вариантом форманта -*Vkma/-Vкса*, предположительно связанного с мар. *икса* ‘залив, речка’ [СМЯ 2: 34]; утрата начального гласного, вероятно, обусловлена падением редуцированных гласных в древнерусском языке [см.: Матвеев 2015: 107–108]. Этимология подтверждается междиалектной топонимической калькой в другом названии этой реки — *Сара* (см. *Сара₁*), локализацией топонима в ареале распространения гидронимов с формантом -*Vxma/-Vгда*, структурной и историко-фонетической аналогией с топонимом *Гза* [см. также: Там же: 106–107].

Ивешка, р. (58.097, 41.380) [АКМ Костр]. Костр. *Прим.*: северный исток из оз. *Кишинское*; р. *Векса* [АКО: 124, а2]. ♦ ‘Северный (ночной) исток’: *и-* ~ урал. **ijj* ‘ночь’ [Aikio UED: 41]; -вешка ~ ф.-перм. **wiskz* ‘промежуток, щель’ [UEW: 823]. Надежность этимологии подтверждается географической реальностью, частичной междиалектной мерянской калькой в другом названии этого топонима (р. *Векса*), наличием других междиалектных мерянских калек в этом же районе (ср. *Тамар* и *Ламзинская Гора*).

Качкур, р., пок. (56.85, 38.61) [АКМ ВОМ; Смирнов 1929: 40]. Ярослав. *Прим.*: приток р. Б. Нерль, пок. с. *Усолье* (совр. н. п. *Купанское* [АЯО: 114, а1]); р. *Качкур*

[АСВР 1: 36]; р. *Каскура* [ПК: 834]; на карте здесь болотистые места; исторически здесь места, где стояли солевые варницы. ♦ ‘Горький’: *качк-* ~ ф.-перм. **kaŋke* ‘горький’ [UEW: 113], урал. **kičča₂* ‘вонючий’ [Zhivlov 2014: 133], прасаам. **kōscēk* ‘кислый, гнилой’ [Lehtiranta 1989: 502]; *-ур* — элемент неясного происхождения, возможно, отражает суффикс **-r*, ср. фин. *katkera* ‘горький’. Этимология основы подтверждается метонимической калькой в названии соседнего с. *Усолъе*, к которому относился покос, а также географической реалией (в этих местах раньше стояли солевые варницы).

Кёкса, р. (58.259, 43.889) [АКМ Костр]. Костр. *Прим.*: р. *Кёкса* (5 фиксаций) / *Кёкта* (1 фиксация); р. *Текса* [Стрельбицкий 1871]; р. *Каменка* [АКО: 133, 61]. ♦ ‘Каменная речка’: *ке-* ~ ф.-уг. **kiwe* ‘камень’ [UEW: 163]; *-(е)кса* — распространенный в ИМЗ гидронимический формант *-Vkiua/-Vкса* [Матвеев 2015: 94–101], возможно, связанный с мар. *икса* ‘залив, речка’ [СМЯ 2: 34]. Надежность этимологии подтверждается калькированием (современное картографическое название этой речки — *Каменка*), а также наличием других надежных свидетельств присутствия в ИМЗ финно-волжских диалектов, в которых имело место расширение ф.-уг. **i > e* (ср. *Векса*, *Керакса*).

Керакса, омут (56.66, 38.43) [Смирнов 1929: 40]. Ярослав. *Прим.*: омут на р. Кубрь, близ него пок. *Большой Рублевик*, принадлежавший в 1627–1628 гг. к сельцу Вешнякову (совр. н. п. Вишняково [АЯО: 113, а4]). ♦ ‘Вырубленное (место)’: *кера-* ~ ф.-перм. **kirä-* ‘рубить, бить’ [UEW: 666]; *-кса* — суффикс, ср. отглагольный суффикс *-кс* в мордовских языках, указывающий на результат действия [ОФУЯ 1975: 299]. Надежность этимологии подтверждается метонимической калькой в соседнем микротопониме: пок. *Большой Рублевик*.

Киба, р. (56.61, 39.21) [Смирнов 1929: 40]. Ярослав. *Прим.*: «Близ д. Крюково Пересл<авского> уез<да>, приток р. Рокши» [Смирнов 1929: 40] (совр. ур. Крюково на р. Воляриха [АЯО: 121, а2], р. Водяриха [Яндекс карты]), рядом р. *Каменка* [АЯО: 120, 63]. ♦ ‘Каменный’: *киб(а)* ~ ф.-уг. **kiwe* ‘камень’ [UEW: 163]. Надежность этимологии подтверждается метонимической калькой в соседнем гидрониме р. *Каменка* и другими надежно этимологизируемыми топонимами с этой основой в ИМЗ (см. *Кибол*).

Кибол, н. п. (56.441, 40.386) [АВО: 18, а4]. Влад. *Прим.*: находится на р. *Каменка*; н. п. *Киболо* [Менде 1850]. ♦ ‘Каменское поселение (поселение на Каменке)’: *ки(б)-* ~ ф.-уг. **kiwe* ‘камень’ [UEW: 163]; *-бол* — мерянский ойконимический детерминант *-бол/-бал* ‘поселение, деревня’ [Матвеев 2015: 56–65]. Надежность этимологии подтверждается структурной прозрачностью и метонимической калькой в названии р. *Каменка*, на которой находится этот населенный пункт, а также другими топонимами с этой основой в ИМЗ (ср. *Киба*).

Кидекша, н. п. (56.425, 40.528) [АВО: 19, а4]. Влад. *Прим.*: при впадении р. *Каменка* в р. *Нерль*; н. п. *Кидекша* [Менде 1850]. ♦ ‘Каменная речка’: *ки-* ~ ф.-уг. **kiwe* ‘камень’ [UEW: 163]; *-д-* — возможно, отражение финно-угорского показателя мн. ч.; *-екша* — распространенный в ИМЗ гидронимический формант *-Вкиша/-Вкса* [Матвеев 2015: 94–101], возможно, связанный с мар. *икса* ‘залив, речка’ [СМЯ 2: 34]. Надежность этимологии подтверждается калькой в названии р. *Каменка*, в устье которой находится этот населенный пункт (наиболее вероятен перенос мерянского названия речки на этот населенный пункт), а также другими надежно этимологизируемыми топонимами с этой основой в ИМЗ (ср. *Киба*, *Кибол*).

Киевка, р. (59.085, 42.458) [АКО: 30, а2]. Костр. *Прим.*: рядом р. *Камешнин* [АКО: 30, а1]. ♦ ‘Каменный’: *киев-* ~ ф.-уг. **kiwe* ‘камень’ [UEW: 163]; *-ка* — русский суффикс. Надежность этимологии подтверждается метонимической калькой в соседнем гидрониме р. *Камешнин* и другими топонимами с этой основой в ИМЗ (ср. *Киба*, *Кибол*).

Кисть₁¹¹, р. (56.647, 39.306) [АЯО: 121, б1]. Ярослав. *Прим.*: в 3 км н. п. *Каменка*, в 5 км н. п. *Киучер* [АЯО: 121, б2]; р. *Кисть* [Менде 1850; Смолицкая ГБО: 216]; р. *Кисть* с притоком р. *Каменка* возле н. п. *Чагино* [ПГМ]; совр. н. п. *Чагино* [АЯО: 121, б2]. ♦ ‘Каменная речка’: *ки-* ~ ф.-уг. **kiwe* ‘камень’ [UEW: 163]; *-сть* — ареально ограниченный вариант распространенного в ИМЗ речного гидронимического форманта *-Вхта* [Матвеев 2015: 109–110]. Этимология находит поддержку в возможной метонимической кальке в названии н. п. *Каменка* и притока *Каменка*, а также в названии рядом расположенного н. п. *Киучер*. Вместе с тем варианты для интерпретации создает возможность наличия в ИМЗ субстратной основы *кист-/кехт-* неясного происхождения (ср. *Кистега*, *Кистыш*, *Кехтога* — приток р. *Кисть*₃).

Койгоры, н. п. (57.257, 40.853) [Яндекс карты]. Иван. *Прим.*: между н. п. *Березники* и н. п. *Дуляпино* [АИО: 4а]; н. п. *Койгора* [Vasmer 1935: 552]. ♦ ‘Березовая (гора)’: *кой-* ~ урал. **kojwa* ‘береза’ [UEW: 169], праморд. **kōja* ‘береза’ [Кер: 60]; *-горы/-гора* — редкий в ИМЗ ойконимический формант неизвестного происхождения (ср. *Колгора*, *Сандогора*). Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседнего н. п. *Березники* и другими надежно этимологизируемыми топонимами в ИМЗ с основой *кой-* (ср. *Койка*₁).

Койка₁, р. (57.664, 43.466) [АКО: 173, б2]. Костр. *Прим.*: р. *Койка* (с ударением на первом слове) [ПМ]; рядом в р. *Водгать* впадает р. *Березовка* [АКО: 174, а2]; р. *Койка* [Стрельбицкий 1871]. ♦ ‘Березовый (березняковый)’: *кой-* ~ урал. **kojwa*

¹¹ Цифра после заглавной формы названия указывает на то, что в каталоге топонимы с такой формой встречаются неоднократно.

‘береза’ [UEW: 169], праморд. **kōja* ‘береза’ [Ker: 60]; -к ~ финно-угорский суффикс отыменного словообразования *-*kk*, ср. фин. *koivu* ‘береза’, *koivikko* ‘березняк’ [ОФУЯ 1974: 342], но возможно также, что это русский суффикс (ср. н. п. *Кой* на р. *Койка*_{2,3}). Этимология подтверждается метонимической калькой в соседнем названии р. *Березовка* и другими аналогичными топонимами в ИМЗ с основой *кой-* (ср. *Койгоры*).

Кóкиль, мыс, поворот реки (58.832, 44.290) [АКМ Костр]. Костр. *Прим.*: изгиб, мыс р. Унжа возле н. п. Кологрив [АКО: 61, а2]; есть вариант *Кóкильский Криуль / Кóкеревы Нóги* [ПМ]. ♦ ‘Крюк (изгиб реки)’: *кок-* ~ фин. *koukki* ‘крюк’ [SKES: 225]; -иль ~ отыменной суффикс ф.-уг. *-*l* [ОФУЯ 1974: 343] (ср. *Куж-лево*₁). Этимология подтверждается географической реальей и калькированием в варианте названия этого объекта *Кокильский Криуль*.

Колдома₁, р. (57.440, 41.710) [АКО: 185, а1]. Иван. *Прим.*: на ней в верховье н. п. и р. *Рыболовка* [АКО: 166, 63]; р. *Колдомарь* [КузРИГ: 66; Семенов 1891: 236]. ♦ ‘Рыбалка (рыбная ловля)’: *кол-* ~ урал. **kala* ‘рыба’ [UEW: 119]; -д- — элемент неясного происхождения; -ома — отыменной суффикс, распространенный в ИМЗ (ср. *Вастрома, Яхрома*). Этимология подтверждается метонимической калькой в названии верхнего притока *Рыболовка* и там же н. п. *Рыболовка*.

Колокиша₁, р. (58.034, 39.114) [АКМ ВОМ]. Яросл. *Прим.*: р. *Кóлокиша* [Ahlqvist 1992: 7]; недалеко г. *Рыбинск* [АЯО: 48, а4]. ♦ ‘Рыбная речка’: *коло-* ~ урал. **kala* ‘рыба’ [UEW: 119]; -(о)киша — распространенный в ИМЗ гидронимический формант -*Вкиша/-Вкса* [Матвеев 2015: 94–101], возможно, связанный с мар. *икса* ‘залив, речка’ [СМЯ 2: 34]. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии г. *Рыбинск* (ист. *Рыбная Слобода*) и другими топонимами с этой основой в ИМЗ (ср. *Колдома, Колохта, Колюга*).

Корба₅, р. (57.445, 40.678) [АКО: 163, а3]. Костр. *Прим.*: в нее впадает р. *Палиндра* [АКО: 181, а1]. ♦ ‘Горелый’: *корба* ~ ф.-волж. **korpe-* ‘гореть’ [UEW: 186]. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии притока р. *Палиндра* (см. *Палиндра*), а также распространенностью в ИМЗ других топонимов с этой основой.

Корба₆, р., н. п. (59.064, 42.206) [АКО: 29, а2]. Костр. *Прим.*: рядом н. п. *Жар* [АКО: 28, 62] и ур. *Горяшино* [АКО: 29, а3]. ♦ ‘Горелый’: *корба* ~ ф.-волж. **korpe-* ‘гореть’ [UEW: 186]. Этимология подтверждается метонимической калькой в названиях н. п. *Жар* и ур. *Горяшино*, а также распространенностью в ИМЗ других топонимов с этой основой.

Кордова, р. (57.335, 43.329) [АКО: 191, а3]. Нижегород. *Прим.*: впадает в р. *Кур-тюга* [АКО: 191, а3]. ♦ ‘Хвощевая речка’: *корд(о)-* ~ фин. *korte* ‘хвощ’ [SKES: 220];

-ова — локальный вариант форманта *-Vga*, распространенный на правобережье Волги в Нижегородской области и связанный с мордовскими фонетическими особенностями ~ урал. **joke* ‘река’, эрз. *jov* ‘река Мокша’ [UEW: 99]. Этимология подтверждается междиалектной калькой в названии р. *Куртюга*, притоком которой является р. *Кордова*.

Кóржа, р. (58.347, 39.045) [АЯО: 33, а3]. Ярослав. Прим.: рядом с устьем н. п. *Пустошка* [АЯО: 33, а3]; р. *Кóржа* [ПМ]; р. *Коржа* [Менде 1857]. ♦ ‘Пустой’: *корж-* ~ прасаам. **kōrōs* ‘пустой’ [Lehtiranta 1989: № 534] (< ф.-уг. **karaš* ‘пустой’). Этимология подтверждается метонимической калькой в названии н. п. *Пустошка* в устье этой речки, а также распространенностью данной основы в ИМЗ с характерной дополнительной дистрибуцией вариантов на месте ф.-уг. **a* (ср. *Корша*, *Кореш* / *Кореж*, *Караш*, *Караши*).

Кочекса, р. (58.210, 44.663) [АКО: 136, 61]. Костр. Прим.: р. *Кóчекса* / *Кóчекша* [ПМ]; рядом н. п. *Усолье* [АКО: 136, а1]; р. *Кочекса* [Стрельбицкий 1871]. ♦ ‘Горькая речка’: *коч-* ~ ф.-перм. **kaške* ‘горький’ [UEW: 113], урал. **kičšaz* ‘вонючий’ [Zhivlov 2014: 133]; *-екса/-екша* — распространенный в ИМЗ гидронимический формант *-Vkша/-Vкса* [Матвеев 2015: 94–101], возможно, связанный с мар. *икса* ‘залив, речка’ [СМЯ 2: 34]. Этимология основы подтверждается метонимической калькой в названии соседнего н. п. *Усолье*, а также другими названиями в ИМЗ с аналогичной основой и калькированием (ср. *Качкур*).

Кочехоро, оз. (56.505, 41.716) [АВО: 23, 62]. Иван. Прим.: рядом оз. *Долгое* [АВО: 23, 62]; оз. *Большое* и *Малое Кочихра* [Смолицкая ГБО: 222]; оз. *Большое Очехро* (ошибочно) [Менде 1850]. ♦ ‘Длинное озеро’: *коч-* ~ урал. **końčs* / **kočs* ‘длинный’ [UEW: 180]; *-ехоро/-ихра* — распространенный в ИМЗ озерный гидронимический формант *-(V)xp(V)* [Матвеев 2015: 72–82] ~ **jāwrä* ‘озеро’ [Zhivlov 2014: 115], ф.-волж. **jāwre* ‘озеро’ [Напольских 2015: 47]. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседнего оз. *Долгое*.

Кýекиша₂, р. (58.089, 44.936) [АКО: 137, 63]. Костр. Прим.: р. *Кýекиша* [ПМ]; р. *Березовка* [Шуберт 1840]. ♦ ‘Березовая речка’: *ку(й)-* ~ урал. **kojwa* ‘береза’ [UEW: 169], праморд. **kij-* < **kōja* ‘береза’ [Ker: 60]; *-екша* — распространенный в ИМЗ гидронимический формант *-Vкша/-Vкса* [Матвеев 2015: 94–101], возможно, связанный с мар. *икса* ‘залив, речка’ [СМЯ 2: 34]. Этимология подтверждается калькированным названием р. *Березовка* в исторических источниках.

Кúжлево₁, лес (58.66, 42.25) [АКМ Костр]. Костр. Прим.: 3 км северо-восточнее д. Ермолино (совр. ур. Ермолино [АКО: 79, а2]); рядом р. *Шолга*. ♦ ‘Ельник (лес)’: *куж-* ~ урал. **kose* ‘ель’ [UEW: 222]; *-л* — суффикс, ср. мар. *кожла* ‘лес’ [СМЯ 2: 372] от мар. *кож* ‘ель’ [Там же: 367]; *-ево* — русский суффикс. Вероятность этимологии поддерживается географической реалией, словообразовательным

соответствием в марийском языке, наличием других аналогичных топонимов в этом же ареале и ареальной противопоставленностью топонимам с основой *козл-*, а также междialeктной топонимической калькой в названии соседней р. *Шолга* (см. *Шолга*).

Куржа₁, р. (56.058, 42.468) [АВО: 65, а1]. Влад. *Прим.*: впадает в р. Илинда слева, начинается рядом с р. *Важня*; р. *Куржа* / *Кураж* [Менде 1850]; р. *Коржа* [Смолицкая ГБО: 228]; р. *Кержа* [АКМ ВОМ, со ссылкой на карту масштаба 1:100000]. ♦ ‘Левый’: *куржа* ~ морд. эрз. *керш*, мокш. *кержи*, *кяржи* ‘левый’ (<? праморд. **kāgčā*), с соответствием у на месте ф.-уг. **ā* в юго-восточной части ИМЗ [Смирнов 2015: 23–24]. Надежность этимологии подтверждается реалией и топонимической калькой в названии р. *Важня* (см. *Важня*).

Кухло, оз. (57.788, 40.494) [АЯО: 68, а4]. Яросл. *Прим.*: рядом с оз. *Великое* [АЯО: 68, а4]; оз. *Кýхла* / *Кýкла* / *Кýхольное* [ПМ]; оз. *Кухольное* [Менде 1857]. ♦ ‘Большое озеро’: первоначально, видимо, **Кухро*¹²: *ку(х)-* ~ ф.-волж. **kokz* ‘большой’ [UEW: 670]; *-хло* — вероятно, искаженный вариант озерного форманта *-(V)xp(V)* [Матвеев 2015: 72–82] ~ распространенный в ИМЗ озерный гидронимический формант *-(V)xp(V)* [Там же] ~ **jāwrā* ‘озеро’ [Zhivlov 2014: 115], ф.-волж. **jāwre* ‘озеро’ [Напольских 2015: 47]. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседнего оз. *Великое*.

Кушка₂, р. (58.701, 44.997) [АКО: 89, 61]. Костр. *Прим.*: в устье расположен н. п. *Суховская* [АКО: 89, 61]; р. *Кýшка* [ПМ]; р. *Кушька* [Столистая карта 1816]; р. *Кукиша* [Шуберт 1840]. ♦ ‘Сухой’: *кушка* ~ урал. **kuška* (**koška*) ‘сухой’ [UEW: 223]. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии н. п. *Суховская* в устье этой речки, а также распространенностью аналогичных топонимов *Кушка*, *Кошка* в ИМЗ.

Ламзинская Горá, пок. (58.08, 41.53) [АКМ Костр]. Костр. *Прим.*: 1 км восточнее н. п. *Медведки*; в этом же месте привязывается гора, ур. *Тамáр* [ПМ]; на топографической карте масштаба 1:100000 в этом месте ур. *Черемушки* [АКО: 124, 63]. ♦ ‘Черемуховая (гора)’: *лам-* ~ урал. **δ’ете* (**δ’оте*) [UEW: 65], **δ’imi* ‘черемуха’ [Zhivlov 2014: 134]; *-з* — отыменной суффикс ~ возможно, ф.-уг. **-c* [ОФУЯ 1974: 337]. Этимология подтверждается двойной калькой в вариантах названия этого места ур. *Тамар* / *Черемушки*.

Лоткирка, р. (56.82, 37.99) [Менде 1853]. Твер. *Прим.*: совр. руч. Безымянный [АТО: 166, 63] вместе с р. *Овражки* образует р. Мольха [АТО: 166, 63]. ♦ ‘Овраг’: *лотк-* ~ эрз. *латко* ‘овраг’ [ЭРС: 120], соответствие в ИМЗ *о* ~ морд. *а* регулярно;

¹²Ранее предложенное сопоставление этого топонима с мар. *кокла* ‘средний’ [Смирнов 2015: 26, 48] менее вероятно.

-(к)ирка — неясно. Этимология начального элемента подтверждается калькированием в названии соседней р. *Овражки*, вместе с которой данная речка образует р. Мольха.

Львы, н. п. (57.146, 39.343) [АЯО: 101, 63]. Ярослав. Прим.: там же о-в *Львовский*; н. п. *Лёв* и о-в *Лёвский* [Титов 1885: 5]; с. *Лев* и с. *Песошня* / *Песоцкое* [Менде 1857]; с. *Левъ* и с. *Песошня* [КЯН 1794]; рядом н. п. *Песочное* [АЯО: 101, 63]. ♦ ‘Песок (песчаный)’: *львы* / *лев* / *лёв* ~ ф.-уг. **liwa* ‘песок’ [UEW: 250]. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседнего н. п. *Песочное* и другими топонимами в ИМЗ с основой *лев-*.

Маска, р. (56.527, 38.236) [Менде 1850]. Моск. Прим.: р. Маска впадает в р. Дубна чуть ниже н. п. Ваулино [Менде 1850] (совр. н. п. Ваулино [АМО: 19, а3]; н. п. Ваулино на р. Курта [Яндекс карты]), на этой речке на карте [Менде 1850] обозначен н. п. *Зиновьево* / *Шурма* (совр. н. п. *Ремнево* [АМО: 19, а3]) и рядом пог. *Подлипа* (совр. н. п. *Новая Шурма* [АМО: 19, а3]); р. *Маска* [Смолицкая ГБО: 205] ошибочно указана в бассейне р. Клязьма, в действительности это речка в бассейне р. Дубна; р. *Маска* [Смирнов 1929: 51]. ♦ ‘Медвежий’: *маска* ~ марЛ. *маска*, марГ. *мёска* ‘медведь’ [СМЯ 4: 26], горно-марийская форма указывает на возможное исходное **mäska* с разным диалектным развитием: в луговых диалектах **ä* > *a*; в горно-марийском **ä* > **i* > **ö*. Этимология подтверждается вероятной междиалектной метонимической калькой в названии соседнего н. п. *Шурма* (см. *Шурма*).

Межа₁, р. (58.365, 44.881) [АКО: 113, 62]. Костр. Прим.: р. *Мёжа* [ПМ]; р. *Мъжа* [Шуберт 1840]; в верховье образуется при слиянии р. *Мичуг* [АКО: 40, а2] и р. *Конюг*. ♦ ‘Лесной’: *межа* / *мёжа* ~ ф.-уг. **teśä* ‘край’, фин. *metsä* ‘лес’ [UEW: 269]. Вторичность народноэтимологической связи с рус. *межа* ‘граница’ подтверждается фиксацией этого названия у местного населения с ударением на первом слоге и в форме *Мёжа*. Финно-угорская этимология подтверждается междиалектным калькированием в названии верхней части этой реки — *Мичуг*.

Моста, н. п. (56.530, 42.163) [АВО: 25, 62]. Иван. Прим.: в болотистом месте, рядом оз. *Светлое* [Яндекс карты] и оз. *Черное* [АВО: 25, 62]. ♦ ‘Черный’: *моста* ~ фин. *musta* ‘черный’. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседнего оз. *Черное* и наличием других топонимов на юго-востоке ИМЗ с этой основой (ср. *Мстера*).

Нерское₂, оз. (55.96, 42.86) [Смолицкая ГБО: 270]. Нижегород. Прим.: на правом берегу р. Ока между р. *Юнда* [АВО: 66, 64] и р. *Реут* [АВО: 67, а4]; рядом оз. *Большинное*, оз. *Болино* (совр. оз. *Большое* [АВО: 66, 63]). ♦ ‘Большое озеро’: н- (? < *ин-) ~ урал. **enä* ‘большой’ [UEW: 74]; -ер- ~ **jäwrä* ‘озеро’ [Zhivlov 2014: 115], ф.-волж. **jäwre* ‘озеро’ [Напольских 2015: 47]. Этимология поддерживается

возможной метонимической калькой в названии соседнего оз. *Большое* и наличием на юго-востоке ИМЗ озер с вариантом озерного форманта в форме *-ер* (ср. оз. *Кастер*, оз. *Нетчерское*).

Палиндра, р. (57.444, 40.690) [АКО: 181, а1]. Костр. *Прим.*: рядом р. *Ингорь* [АКО: 181, 62]; впадает в р. *Корба*₅. ♦ ‘Горелый Ингорь (горелая речка)’: *пал-* ~ ф.-ут. **pal’a* ‘мороз, замерзать’ → ‘гореть’ [UEW: 352]; *-индра* — искаженный гидронимический формант *-Ингирь* [Матвеев 2015: 123–128] ~ марЛ. *энер*, марГ. *әнғыр* ‘река, речка, ручей’ [СМЯ 10: 92] (< прамар. **eṇar* [Aikio 2014: 135, 143]), ср. название соседней р. *Ингорь*. Этимология подтверждается междиалектной калькой в названии р. *Корба*, в которую впадает эта речка и которая этимологизируется как ‘Горелая’ (см. *Корба*₅).

Пахма, р. (57.638, 39.768) [АЯО: 78, 63]. Яросл. *Прим.*: в устье н. п. *Пахна* [АЯО: 79, а3]; р. *Пахма* / *Пахна* [Менде 1857]; р. *Пахна* [Уваров 1871: 643; Титов 1883: 234–235; КЯН 1794; КБЧ: 133; АСВР 3: № 206; ПМЯУ: 160–162]; р. *Пахня* [Карта Екатерины 1767]; недалеко начинаются верховья р. *Пекиша*₂. ♦ ‘Липовый’: первична форма р. *Пахна*: *пахна* ~ ф.-волж. **pākšnā* ‘липа’, эст. *pähn* ‘старая липа’ [UEW: 726]. Прибалтийско-финский адстрат необязателен, учитывая изменение **ks* > *хт* в западной части ИМЗ, а также мар. *писте* ‘липа’ [СМЯ 5: 122], можно предполагать изменение **kšn* > **ksn* > *хтн* с закономерным в русском языке упрощением **Пахтна* > *Пахна*. Этимология подтверждается междиалектной топонимической калькой в названии р. *Пекиша* (см. *Пекиша*₂), которая берет свое начало рядом с р. *Пахна*.

Пекиша₁, р., н. п. (55.894, 39.673) [АВО: 72, а1]. Влад. *Прим.*: р. *Пекиша* / *Пекыша* [Смолицкая ГБО: 207–208]; рядом р. Большая Липня [АВО: 53, а3]. ♦ ‘Липовый’: *пекиша* ~ ф.-волж. **pākšnā*, эрз. *pekše* ‘липа’ [UEW: 726]. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседней р. *Большая Липня*.

Пекиша₂, р. (57.791, 39.724) [Менде 1857]. Яросл. *Прим.*: р. *Пекиша* [КЯН 1794; ФУиБЭС: 71]; р. *Пéкиша* [Ahlqvist 1992: 5]; р. *Пехта* [Титов 1883: 130]; на современной топографической карте масштаба 1:100000 р. *Березняк* [АЯО: 79, а1]. Начинается рядом с истоком р. *Пахма*. ♦ ‘Липовый’: *пекиша* ~ ф.-волж. **pākšnā*, эрз. *pekše* ‘липа’ [UEW: 726]. Этимология подтверждается другими аналогичными названиями в ИМЗ (ср. *Пекиша*₁), а также метонимической калькой в названии р. *Пахма* / *Пахна* (см. *Пахма*), с которой эта речка сходится своим истоком.

Пельма, р. (56.935, 42.120) [Яндекс карты]. Иван. *Прим.*: р. *Пельма* и н. п. *Покров-Пельма* [КЮУ 1920]; р. *Пекша* (ошибочно) [Смолицкая ГБО: 223]; рядом р. *Чернуха* [Яндекс карты]. ♦ ‘Темный’: *пельма* ~ урал. **pil’tz* ‘темный’ [UEW: 381]. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседней р. *Чернуха*.

Пенюх, р. (56.549, 42.446) [АВО: 26, 62]. Иван. Прим.: р. *Большой* и *Малый Пенюх* / *Большой* и *Малый Пенюх* / *Большой* и *Малый Пенюг* [Смолицкая ГБО: 223]; рядом с устьем ур. *Бор* [АВО: 26, 61], в верхнем течении ур. *Сорокинский Бор* [АВО: 27, а1]. ♦ ‘Сосновая (боровая) речка’: *пен-* ~ ф.-уг. **pñz* ‘сосна’ [UEW: 416], марГ. *пѣн* ‘сосна’ [СГМЯ: 228]; *-юх/-их* — вариант гидронимического форманта *-Vga* на юго-востоке ИМЗ ~ урал. **joke* ‘река’ [UEW: 99]. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии бывшего н. п. *Бор* в устье этой речки и бывшего н. п. *Сорокинский Бор* в ее верховьях, а также повторяемостью аналогичных названий в юго-восточной части ИМЗ.

Печенга, р., н. п. (58.890, 41.447) [АКО: 50, а1]. Костр. Прим.: р. *Печонга* (совр. р. *Верхняя Печенга*) и р. *Боровище* (совр. р. *Печенга*) [Шуберт 1840]. ♦ ‘Сосновая река’: *пече-/печо-* ~ ф.-перм. **рещä* ‘сосна’ [UEW: 727]; *-(е)нга* — распространенный на Русском Севере гидронимический формант *-Vn(ь)га* [Матвеев 2007: 192–197]. Этимология подтверждается калькированием во втором историческом названии этой реки — *Боровище*. Гидроним относится к южной периферии субстратной гидронимии на *-Vn(ь)га*, которая предположительно была оставлена специфичным севернофинским языком, именуемым А. К. Матвеевым «важанским» или «важско-финским» (по основной плотности его следов в топонимии бассейна р. Вага, левого притока р. Северная Двина [Матвеев 2007: 194]) и связываемым с языком летописной чуди Заволочской [Матвеев 2001: 273].

Пешпорт, р. (59.002, 44.179) [АКО: 36, 63]. Костр. Прим.: р. *Péshpart* / *Péshport* [ПМ]; р. *Пешпортъ* [Столистая карта 1816]; впадает в р. *Пеженга*, которая, в свою очередь, сходится верховьями с р. *Святица* [АКО 37]; ср.: недалеко есть р. *Портюг*, в которую впадет р. *Избенка* [АКО: 64, а2]. ♦ ‘Священная избяная (речка)’: *пеш-* ~ фин. *pyhä*, прасаам. **pesē* ‘святой’ [Lehtiranta 1989: № 866], эрз. *пежедемс* ‘клясться, божиться’ [ЭРС: 162] (< ? ф.-волж. **pūšä* ‘святой’); *-порт/-порт* ~ фин. *pirtti*, прасаам. **perte* [Lehtiranta 1989: № 864], мар. *pōrt* ‘изба’ (< ? ф.-волж. **pirti* ‘изба’). Этимология первого элемента основы подтверждается тем, что эта речка впадает в р. *Пеженга*, которая, в свою очередь, сходится верховьями с р. *Святица* (метонимическая калька). Этимология второго элемента подтверждается рядом расположенной р. *Портюг*, название которой этимологизируется как ‘Избьяная речка’ [Матвеев 2007: 126], поскольку в нее впадает р. *Избенка*. Таким образом, данный топоним можно интерпретировать в связке *Портюг* — *Пешпорт(юг)* ‘Священный Портюг’ (поскольку он впадает в *Пеженгу* — ‘священную речку’), где формант *-юг* был эллиптирован. Вероятнее всего, данное название нужно связывать не с мерянскими, а с финно-пермскими диалектами, оставившими в верховьях р. Унжи и Ветлуги топонимию на *-юг* [Там же: 172–180].

Пировы Городищи, н. п. (56.229, 42.250) [АВО: 44, а3]. Влад. Прим.: на противоположной стороне р. Клязьма оз. *Горожанка* [Яндекс карты]; рядом (2,8 км

северо-западной) — археологический памятник городище *Пировы Городища* [Леонтьев 1996: 26]. ♦ ‘Городище: *nir-* ~ ф.-волж. **pire* ‘круг, ограничивать’ [UEW: 384], праморд. **piřä* ‘огород’ [Ker: 113]; *-ов-* — русский суффикс, возможно, преобразованный финно-угорский суффикс **-p* [ОФУЯ 1974: 350] (ср. *Ахробость / Яхробость, Ягорба*). Надежность этимологии подтверждается археологической реальией (рядом находится археологический памятник городище *Пировы Городища* [Леонтьев 1996: 26]) и калькой в названии н. п. *Пировы Городищи*.

Полешма, р., быв. н. п. (58.853, 43.149) [АКО: 56, 62]. Костр. *Прим.*: р., быв. н. п. *Пóлешма* [ПМ]; рядом н. п. *Погорелово* [АКО: 56, 62]. ♦ ‘Горелый’: *поле-* ~ ф.-уг. **pal’a* ‘мороз, замерзать’ → ‘гореть’ [UEW: 352]; *-шма* — распространенный в ИМЗ суффикс, возможно, из сочетания двух суффиксов ~ ф.-уг. **-ć* [ОФУЯ 1974: 337] и ф.-уг. **-t* [Там же: 344] (ср. *Кинешма, Палошма, Уришма*). Этимология подтверждается структурной прозрачностью, регулярностью звука *о* в ИМЗ на месте ф.-уг. **a*, метонимической калькой в названии соседнего н. п. *Погорелово*.

Полка, р. (58.679, 39.527) [АЯО: 19, а1]. Яросл. *Прим.*: р. *Полка* [Менде 1857]; на ней в устье н. п. *Погорелово* [АЯО: 19, а1]. ♦ ‘Горелый’: *пол-* ~ ф.-уг. **pal’a* ‘мороз, замерзать’ → ‘гореть’ [UEW: 352]; *-к* ~ финно-угорский отглагольный суффикс **-k* [ОФУЯ 1974: 340], но возможно также, что это русский суффикс. Этимология подтверждается структурной прозрачностью, регулярностью звука *о* в ИМЗ на месте ф.-уг. **a*, метонимической калькой в названии соседнего н. п. *Погорелово*.

Рáстовая, дорога (58.8, 44.3) [Востриков 1981: 34]. Костр. *Прим.*: обозначает дорогу в Суховерковском сельсовете, переводится информантами как ‘Столбовая дорога’ (н. п. Суховерково [АКО: 61, а3]). ♦ ‘Столбовая дорога’: *раст-* ~ фин. *rasti* ‘указатель дороги, зарубка’; *-ов* — русский суффикс. Этимология подтверждается географической реальией и переводом в речи информантов [см.: Востриков 1981: 34].

Ремжа, р. (56.08, 37.17) [Смолицкая ГБО: 197]. Моск. *Прим.*: верховье р. Клязьма ниже р. *Чернавка* (р. *Чернавка* [АМО: 40, а2]); на современной топографической карте масштаба 1:100000 есть неназванная речка возле н. п. Бухарово [АМО: 40, а2], которая вытекает из одного болота вместе с р. *Чернавка* [Яндекс карты]. ♦ ‘Черный (темный)’: *рем-* ~ ф.-перм. **rǝmz* ‘цвет’ [UEW: 747], прамар. **rūt* ‘сумерки’ [EWT: 218]; *-жа* — суффикс, ср. эрз. *раужо* ‘черный’. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии р. *Чернавка*, которая вытекает из одного болота с р. *Ремжа*.

Салеза, р. (57.659, 44.174) [АКО: 176, 62]. Костр. *Прим.*: р. *Салеза* [Шуберт 1840]; рядом начинается р. *Шилекша* [АКО: 176, 63]. ♦ ‘Вязовый’: *сал-* ~ ф.-уг. **śala* ‘вяз’ [UEW: 458]; *-ез* — отыменным суффикс ~ возможно, ф.-уг. **-ć* [ОФУЯ 1974: 337].

337] (ср. *Ламза*). Этимология подтверждается регулярностью соответствия звука *a* на месте ф.-уг. **a* в юго-восточной части ИМЗ, а также междиалектной топонимической калькой в названии соседней р. *Шилекша* (см. *Шилекша*₄).

Сálка, р. (57.40, 43.15) [АКМ Костр.]. Костр. *Прим.*: 2 км юго-западнее д. Ковалево в с. Завражье (современная топографическая карта масштаба 1:100000: н. п. Завражье и н. п. Ковалево [АКО: 190, 62]), «от слова соль, вода у ей соленая» [ПМ]; рядом р. *Сольцá* / *Сальцá* («соли много») [ПМ]. ♦ ‘Соленый’: *сал-* ~ ф.-перм. **salz* ‘соль’ [UEW: 750]; *-ка* — русский суффикс. Этимология подтверждается географической реалией (вода соленая) и метонимической калькой в названии соседней р. *Сольца*.

*Сара*₁, р. (57.136, 39.401) [АЯО: 101, 64]. Ярослав. *Прим.*: в нижнем течении ранее также называлась *Гда* [Титов 1885: 7]. ♦ ‘Ветвь, исток реки, рассоха’: *сара* ~ фин. *saara*, вепс. *sar* ‘ветвь’, распространенный на Русском Севере гидронимический формант *-сара/-сарь*, *-сора* прибалтийско-финского и саамского происхождения со значением ‘один из истоков реки, рассоха’ [Матвеев 2001: 277–278], урал. **sarka*₁ ‘развилка’ [Zhivlov 2014: 127]. Надежность этимологии подтверждается междиалектной топонимической калькой в параллельном названии этой реки — *Гда* (см. *Гда* [см.: Матвеев 2015: 106–107]). Ввиду отсутствия данного слова в роли детерминанта на всей территории ИМЗ (кроме самых северных районов Ярославской области, где это можно интерпретировать как проникновение прибалтийско-финских и саамских элементов из бассейна Белого озера) этот топоним может быть отражением прибалтийско-финского адстрата на территории ИМЗ.

Сегжа, р. (58.847, 39.334) [АЯО: 9, 61]. Ярослав. *Прим.*: р. *Сэгжа* [ПМ]; р. *Сегжа* [Менде 1857]; впадает в р. *Согожа*, рядом р. *Янгосорха* [АЯО: 9, 61]. ♦ ‘Грязь, болото’: *сегжа* ~ ф.-перм. **säksä* ‘грязь’ [UEW: 755]. Этимология подтверждается географической реалией, другими топонимами в ИМЗ с этой основой (ср. *Секша*), междиалектной топонимической калькой с соседней р. *Янгосорха* (‘Болотная рассоха’).

*Секша*₂, р., ур. (58.298, 41.063) [АЯО: 40, 63]. Ярослав. *Прим.*: ур. *Секша*, и рядом ур. *Черное Болото* [АЯО: 41, а4]; р. *Секша* [Менде 1857]. ♦ ‘Грязь, болото’: *секша* ~ ф.-перм. **säksä* ‘грязь’ [UEW: 755]. Этимология подтверждается географической реалией и калькой в названии соседнего ур. *Черное Болото*.

Синдер, р. (56.756, 40.432) [Яндекс карты]. Иван. *Прим.*: р. *Черная* [Менде 1850]. ♦ ‘Черная речка’: первоначально, вероятно, **Симингер*: *си(м)-* ~ ф.-перм. **simz* ‘ржавчина’ [UEW: 758], прамар. **sim* ‘черный’ [EWT: 224]; *-индер* — вариант распространенного в восточной части ИМЗ гидронимического форманта ~ марЛ. *энер*, марГ. *янгёр* ‘река, речка, ручей’ [СМЯ 10: 92]

(< прамар. **eġar* [Aikio 2014: 135, 143]). Этимология подтверждается наличием в исторических источниках калькированного варианта этого топонима: р. *Черная*.

Солобанка, р. (57.410, 40.796) [АКО: 182, а2]. Костр. *Прим.*: впадает в р. *Солоница*. ♦ ‘Соленый’: *сол-* ~ ф.-перм. **salz* ‘соль’ [UEW: 750]; *-об* — отыменной суффикс ~ возможно, ф.-уг. **-p* [ОФУЯ 1974: 350] (ср. *Ахробость* / *Яхробость*); *-ан* — русский суффикс либо суффикс финно-угорского происхождения ~ ср. отыменной суффикс ф.-уг. **-n* (-*ń*?) [ОФУЯ 1974: 346], продуктивный в марийском и мордовских языках при образовании относительных прилагательных [ОФУЯ 1976: 52; 1975: 303]. Этимология подтверждается географической реальей и топонимической калькой в названии основной реки — *Солоница* (соленые источники в бассейне реки).

Тамár, г., ур., поле, пок. (58.08, 41.53) [АКМ Костр]. Костр. *Прим.*: с севера у д. Дьяковка, официальное название которой — *Лодыгино* [ПМ]; в этом же месте привязывается пок. *Лámзинская Гора* [ПМ]; на современной топографической карте масштаба 1:100000 в этом месте ур. *Черемушки* [АКО: 124, 63]. ♦ ‘Черемуховая гора’: *там-* ~ урал. **δ’eme* (*δ’ōme*) ‘черемуха’ [UEW: 65], **δ’imi* ‘черемуха’ [Zhivlov 2014: 134]; *-(м)ар* ~ урал. **m8rz* ‘поросший кустарником, лесом холм’ [UEW: 291] > праморд. **tar* ‘холм’ [Кер: 84]. Этимология подтверждается междialeктной калькой в названии этого же места *Ламзинская Гора* и калькой в названии ур. *Черемушки*.

Тома₂, р. (56.313, 39.868) [АВО: 34, 61]. Влад. *Прим.*: р. *Тома* [Менде 1850; Смолицкая ГБО: 210]; недалеко от верховьев начинается и течет в другую сторону р. *Дубенка* [АВО: 16, 63] и р. *Тумка*, н. п. *Тума* [АВО: 17, 64]. ♦ ‘Дубовый’: *тома* ~ ф.-волж. **toma* ‘дуб’ [UEW: 798], **tammi* [Zhivlov 2014: 125, 132]. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседней р. *Дубенка*, а также междialeктной метонимической калькой в названии соседней р. *Тумка*.

Томанка, р. (58.269, 39.691) [АЯО: 36, а4]. Яросл. *Прим.*: р. *Томан(ька)* [Менде 1857]; рядом ур. *Дубнево* [АЯО: 51, а1]. ♦ ‘Дубовый’: *тома* ~ ф.-волж. **toma* ‘дуб’ [UEW: 798], **tammi* [Zhivlov 2014: 125, 132]; *-ан* — суффикс, возможно, финно-угорского происхождения ~ отыменной суффикс ф.-уг. **-n* (-*ń*?) [ОФУЯ 1974: 346], продуктивный в марийском и мордовских языках при образовании относительных прилагательных [ОФУЯ 1976: 52; 1975: 303] (ср. *Печенка*); *-ка* — русский топонимический суффикс. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседнего ур. *Дубнево*.

Томиша₁, р. (57.845, 42.194) [АКО: 150, 63]. Костр. *Прим.*: на ней ур. *Дуброво* [АКО: 150, 63]; немного выше по течению впадает р. *Тома* [АКО: 150, 62], которая больше по размеру. ♦ ‘Дубовый’: *том-* ~ ф.-волж. **toma* ‘дуб’ [UEW: 798], **tammi* [Zhivlov 2014: 125, 132]; *-ша* — отыменной суффикс ~ возможно,

ф.-уг. *-ś [ОФУЯ 1974: 337]. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии ур. *Дуброво*.

*Томша*₃, р. (58.514, 39.236) [АЯО: 18, а4]. Яросл. *Прим.*: р. *Томша* [ПМ]; р. *Томша* [Менде 1857]; в истоке н. п. *Дубасово* [АЯО: 34, а2]. ♦ ‘Дубовый’: см. *Томша*₁. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии н. п. *Дубасово*.

*Унау*_р, оз. (56.3, 42.3) [Смолицкая ГБО: 228]. Влад. *Прим.*: приведено рядом с оз. *Учхоро* (совр. оз. *Учхор* [АВО: 44, а1]) со ссылкой на архивные источники [АСВР 1: № 333]; судя по привязке, это может быть совр. оз. *Великое* [АВО: 44, а2]. ♦ ‘Большое озеро’: ун- ~ ф.-уг. **ani* ‘большой, много’ [Zhivlov 2014: 130], фонетическое развитие такое же, как **tammi* ‘дуб’ [см.: Смирнов 2025: 77–78]; -аур ~ ф.-волж. **jäwrä* ‘озеро’ [Zhivlov 2014: 115], ф.-волж. **jäwre* ‘озеро’ [Напольских 2015: 47]. Этимология подтверждается топонимической калькой в современном названии этого озера — *Великое* (с большой вероятностью оз. *Унау*_р в архивных источниках — это современное оз. *Великое*), а также семантической микро-системной связью с названием соседнего оз. *Учхор* ‘Малое озеро’.

Чухолза, н. п. (57.317, 38.888) [АЯО: 99, б1]. Яросл. *Прим.*: в 5 км на р. Устье н. п. *Горки* [АЯО: 99, б1]; между н. п. *Чухолза* и н. п. *Горки* ряд небольших холмов. ♦ ‘Горка’: *чухо*- ~ урал. **čukkz* ‘холм’ [UEW: 42]; -л — суффикс ~ отыменной финно-угорский суффикс *-l [ОФУЯ 1974: 343]; -з — отыменной суффикс ~ возможно, ф.-уг. *-ś [ОФУЯ 1974: 337] (ср. *Ламза*). Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседнего н. п. *Горки* и географической реалией: между н. п. *Чухолза* и н. п. *Горки* на географической карте обозначен ряд холмов.

*Шакиа*₁, р. (57.170, 39.949) [АЯО: 104, а3]. Яросл. *Прим.*: р. *Шакиа* начинается из болота, из которого в другую сторону бежит р. *Черная Грязь*, впадающая в р. *Черная* [Менде 1857] (совр. р. *Черная* [АЯО: 104, б3]). ♦ ‘Грязь, болото’: *шакиа* ~ ф.-перм. **säksä* ‘грязь’ [UEW: 755]. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседней речки *Черная Грязь*, которая вытекает из одного болота вместе с р. *Шакиа*.

Шарна, р., н. п. (58.354, 40.792) [АЯО: 40, а3]. Яросл. *Прим.*: р., н. п. *Шарна* [ПМ]; с. *Шерны* и р. *Шерна* [Менде 1857]; в нее впадает р. *Ивушка* [АЯО: 40, а2]. ♦ ‘Верба, ива’: *шарна* / *шерна* ~ ф.-волж. **särnä* ‘верба, ива’ [Aikio 2014: 137; Zhivlov 2014: 115]. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии притока этой реки — *Ивушка*.

Шарниха, н. п. (56.9, 42.9) [АКМ Костр; Vasmer 1935: 549]. Иван. *Прим.*: дано со ссылкой на [СпКостр: 397], недалеко от р. Полнать, по соседству с н. п. *Шарниха* есть н. п. *Вербиха* (совр. р. Полнатка и н. п. *Вербиха* [АИО: 16]). ♦ ‘Верба’:

шарн- ~ ф.-волж. **särnä* ‘верба, ива’ [Aikio 2014: 137; Zhivlov 2014: 115]; *-иха* — русский топонимический суффикс. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседнего н. п. *Вербиха*.

Шарница, р. (57.541, 41.977) [АКО: 186, а1]. Иван. Прим.: напротив впадает р. *Вербушка* [АКО: 186, а1]. ♦ ‘Верба’: *шарн-* ~ ф.-волж. **särnä* ‘верба, ива’ [Aikio 2014: 137; Zhivlov 2014: 115]; *-ица* — русский топонимический суффикс. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседней р. *Вербушка*.

Шилекша⁴, р. (57.535, 43.834) [АКО: 193, 61]. Костр. Прим.: р. *Шилекша* [ПМ]; р. *Шеликша* [Шуберт 1840]; рядом с истоком этой реки начинается р. *Салеза* [АКО: 176, 63]. ♦ ‘Вязовая речка’: первичен вариант *Шеликша* / *Шелекса*: *шел-/шил-* ~ ф.-уг. **śala* ‘вяз’ [UEW: 458], праморд. **śäl'əj* ‘вяз’ [Ker: 135] указывает на вариант финно-угорской формы **śälV* ‘вяз’ [Aikio UED: 101]; *-екша/-икша/-екса* — варианты распространенного в ИМЗ гидронимического форманта *-Vкша/-Vкса* [Матвеев 2015: 94–101], возможно, связанного с мар. *икса* ‘залив, речка’ [СМЯ 2: 34]. Надежность этимологии подтверждается междиалектной топонимической калькой в названии соседней р. *Салеза* (см. *Салеза*).

Шиморка, р. (56.4, 38.7) [АКМ ВОМ; Смирнов 1929: 86]. Влад. Прим.: речка в пределах Александровского уезда (совр. н. п. Александров [АВО: 29, 62], рядом с ним р. *Черная* [АВО: 29, а2] и оз. Шумское [АВО: 29, а1]). ♦ ‘Черная (речка)’: *шимо-* ~ ф.-перм. **simz* ‘ржавчина’ [UEW: 758], прамар. **sim* ‘черный’ [EWT: 224]; *-р* — отыменной суффикс ф.-уг. **-r*, ср. фин. *hämärä* ‘темный’ [ОФУЯ 1974: 352], карел. *tuhera* ‘темный’ [SKES: 348]; *-ка* — русский суффикс. Этимология подтверждается калькированием в современном названии р. *Черная* (либо эта же, либо соседняя речка).

Ширóкуши, полоса поля (58.78, 44.42) [АКМ Костр]. Костр. Прим.: название полосы в поле *Угловое*, 200 метров восточнее д. Шоргутово (современная топографическая карта масштаба 1:100000: н. п. *Шоргутово* [АКО: 61, 63]). ♦ ‘Крайнее поле (расчищенное, голое место, поляна)’: *широ-* ~ ф.-волж. **śürjä* ‘край, сторона’ [UEW: 779]; *-куши* ~ ф.-перм. **kušz* ‘голый, голое место’ [UEW: 678], праморд. **kužə* ‘поляна’ [Ker: 74]. Этимология подтверждается географической реалией (название поля) и неточной калькой в названии этого же поля — *Угловое*.

Шишедám, пок. (58.09, 42.45) [АКМ Костр]. Костр. Прим.: пожня *Шишедám* (1 фиксация) / *Шишадám* (1 фиксация) / место *Шишедáнов Овин* (1 фиксация), 1 км севернее д. Новошино [ПМ] (современная топографическая карта масштаба 1:100000: н. п. *Новошино* [АКО: 128, а3]). ♦ ‘Шиш-гумно (овин)’: *шиш(е)-* — неясная основа; *-едам* ~ мар. *идым* ‘гумно, ток’ [СМЯ 2: 14]. Этимология находит подтверждение в географической реалии (название пожни) и в варианте топонима с неточной калькой — *Шишеданов Овин*.

Шолга, р. (58.65, 42.26) [АКМ Костр]. Костр. *Прим.*: впадает справа в р. Ноля южнее д. Ермакова (современная топографическая карта масштаба 1:100000: быв. н. п. Ермаково [АКО: 79, а2]) (2 фиксации) [ПМ]; рядом лес *Кужлево* [ПМ]. ♦ ‘Лес’: *шолга* ~ ф.-волж. **šelkä* ‘спина’ [UEW: 772], карел. *šelgä* ‘спина, горный кряж’, связаны с этим словом рус. диал. *шалга* ‘глухой лес’, *сельга* ‘продолговатая возвышенность, покрытая лесом’ [Матвеев 2004: 209]; появление *о* на месте *e* в позиции после шипящего *ш* перед последующим твердым согласным закономерным образом связано с фонетическими процессами в русском языке. Этимология подтверждается междиалектной метонимической калькой в названии соседнего объекта — леса *Кужлево* (см. *Кужлево*₁).

Шорня, р. (57.030, 41.611) [Яндекс карты]. Иван. *Прим.*: р. *Шорня* [Менде 1850]; р. *Шорна* / *Шорня* [Смолицкая ГБО: 220]; рядом р. *Люлех* [АИО 13]. ♦ ‘Вербная (ивовая) (речка)’: *шорня* / *шорна* ~ ф.-волж. **särnä* ‘верба, ива’ [Aikio 2014: 137; Zhivlov 2014: 115]; звук *о* в варианте *Шорна* появился на русской почве в результате перехода *e* > *о* после шипящего *ш* перед твердым согласным (ср. *Шорна* / *Шернога*, *Шерна* / *Шорна*). Этимология подтверждается другими топонимами в ИМЗ с аналогичной основой (см. *Шарна* / *Шерна*, *Шерна* / *Шорна*), а также неточной междиалектной метонимической калькой в названии соседней р. *Люлех* (‘Ольховая речка’).

Шохра₁, р. (59.058, 45.129) [АКО: 40, а2,3]. Костр. *Прим.*: р. *Боровая Шохра* и *Большая Шохра* [АКО: 40, а3], на р. *Боровая Шохра* быв. н. п. *Борки* [АКО: 40, а2]; р. *Шохра* / *Сохра* [ПМ]; р. *Боровая Шохра* впадает в р. *Межа* немного ниже р. *Мичуг* [АКО: 40, а2]. ♦ ‘Лес’: *шохра* / *сохра* ~ марЛ. *šųrgö*, марГ. *šöirgöi* ‘лес’ [СМЯ 9: 418], диал. сев.-рус. *сóгра* ‘болотистая равнина с кочкарником, ельником’ [Даль 4: 259]; исходная форма этого слова в финно-угорских языках могла быть **šogra*, с последующей метатезой **gr* > *rg* в марийском языке и изменением ф.-уг. **šo-* > прамар. **šy-* [см.: Смирнов 2015: 60]. Этимология подтверждается широким распространением аналогичных топонимов в северо-восточной части ИМЗ, калькой в названии притока *Боровая Шохра* и междиалектной метонимической калькой в названии соседней р. *Мичуг* и р. *Межа* (см. *Межа*₁).

Шумара, р. (56.384, 39.777) [Смолицкая ГБО: 211]. Влад. *Прим.*: дано со ссылкой на [СпВлад]; р. *Шимра* [Смолицкая ГБО: 211, со ссылкой на: ПГМ], р. *Шумара* [Там же; со ссылкой на писцовые книги XVI в.]; совр. р. *Шамба* [АВО: 33, 61], рядом р. *Черная* [АВО: 33, 61], которая раньше называлась *Выжексиа*. ♦ ‘Черная (речка)’: *шума-* ~ ф.-волж. **šäte* ‘темный, черный, ржавый’ [Николаева 1988: 86], фин. *hämärä* ‘темный’, праморд. **čämäh* / **šämäh* ‘ржавчина’ [Кег: 156]; звук *у* на месте ф.-уг. **ä* регулярно появляется в топонимических фактах на юго-востоке ИМЗ; *-р* — отыменной суффикс ф.-уг. **-r*, ср. фин. *hämärä* ‘темный’ [ОФУЯ 1974: 352]. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседней р. *Черная*.

Шумарка, р. (57.426, 38.924) [АЯО: 88, 62]. Ярослав. Прим.: рядом р. Чернуха и р. Яксура [АЯО: 88, 62]; р. Шуморка [Менде 1857]. ♦ ‘Черная (речка)’: см. Шумара. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседней р. Чернуха.

Шумарское, оз. (56.245, 40.991) [АВО: 38, 63]. Влад. Прим.: рядом р. Черная [АВО: 38, 63]; оз. Шумарки [ЗВ-ГС: 196]. ♦ ‘Черное (озеро)’: см. Шумара. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседней р. Черная.

Шумское, оз. (56.459, 38.531) [АВО: 29, а1]. Влад. Прим.: в болотистом истоке р. Дубна, рядом берет начало р. Черная [АВО: 29, а1], которая, возможно, ранее имела также название р. Шиморка [Смирнов 1929: 86] (см. Шиморка). ♦ ‘Черное (озеро)’: учитывая фиксацию здесь же названия р. Шиморка, первичной формой топонима, вероятно, является *Шимское: шум-/*шим- ~ ф.-перм. *simz ‘ржавчина’ [UEW: 758], прамар. *sim ‘черный’ [EWT: 224]; -ское — русский суффикс. Этимология подтверждается метонимической калькой в названии соседней р. Черная.

Шурма, н. п. (56.547, 38.238) [АМО: 19, а3]. Моск. Прим.: н. п. Новая Шурма [АМО: 19, а3]; н. п. Шурма / Шуромской Стан [Смирнов 1929: 87, 94]; н. п. Зиновьево / Шурма, рядом н. п. Подлипы и р. Маска [Менде 1850]. ♦ ‘Зверь (медведь)’: шурма ~ урал. *šurme ‘дикий зверь’ [UEW: 490]. Этимология находит подтверждение в междialeктной метонимической кальке в названии соседней р. Маска ‘Медведь’ (см. Маска).

Эдон, р., н. п. (56.054, 41.815) [АВО: 62, а2]. Влад. Прим.: р. Эдон [Яндекс карты]; р. Эдомъ и н. п. Эдомъ [Менде 1850]; недалеко есть н. п. Крутые Горки и н. п. Никологоры. ♦ ‘Возвышенность, поселение’: первична форма Эдом: эдом ~ субстратный топонимический детерминант в ИМЗ -(V)дом в самостоятельном топонимическом употреблении, обозначавший населенные пункты и, вероятнее всего, родственный русскому диалектному финно-угорскому заимствованию едома ‘возвышенность’ [Матвеев 2015: 65–68]. Этимология находит подтверждение в географической реалии, которая отражается в соседних русских названиях н. п. Крутые Горки и н. п. Никологоры. Под вопросом возможное калькирование.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

балт.	балтские языки	саам. кильд.	кильдинский диалект
вепс.	вепсский язык		саамского языка
марГ.	горномарийский диалект	сев.-рус.	севернорусские говоры
марЛ.	луговой диалект марийского языка	урал.	уральские языки
мокш.	мокшанский язык	ф.-волж.	финно-волжский (праязык)
прамар.	прамарийский (язык)	ф.-перм.	финно-пермский (праязык)
праморд.	прамордовский (язык)	ф.-уг.	финно-угорский (праязык)
прасаам.	прасаамский язык	эрз.	эрзянский язык
ПФУ	финно-угорский праязык		

В названиях административно-территориальных единиц

Влад.	Владимирская область	Нижегор.	Нижегородская область
Иван.	Ивановская область	Твер.	Тверская область
Костр.	Костромская область	Яросл.	Ярославская область
Моск.	Московская область		

В названиях географических объектов

верх.	верхнее течение (реки)	пог.	погост
ниж.	нижнее течение (реки)	пок.	покос

Прочие

карт. картографический

Источники

- АВО — Атлас Владимирской области. Масштаб 1 : 100000. Тверь : Ультра Экстент : Роскартография, 2008.
- АИО — Топографическая карта. Ивановская область. Масштаб 1 : 200000. М. : ЦЭВКФ, 1997.
- АКМ ВОМ — картотека А. К. Матвеева к «Субстратной топонимии Русского Севера. Т. 4. Раздел “Волго-Окское междуречье”» (из архива А. К. Матвеева).
- АКМ Костр — картотека А. К. Матвеева к «Субстратной топонимии Русского Севера. Т. 4. Раздел “Костромская область”» (из архива А. К. Матвеева).
- АКО — Атлас Костромской области + Горьковское водохранилище. Масштаб 1 : 100000. Тверь : Ультра Экстент : Роскартография, 2009.
- АМО — Атлас Московской области. Масштаб 1 : 100000. Тверь : Ультра Экстент : Роскартография, 2009.
- АРГ — Акты русского государства 1505–1526 гг. / сост. С. Б. Веселовский. М. : Наука, 1975.
- АСВР — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. : в 3 т. / отв. ред. Б. Д. Греков. М. : Изд-во АН СССР, 1952–1964.
- Атлас Кириллова — *Кириллов И. К.* Атлас Всероссийской империи. СПб. : [б. и.], 1724–1734.
- АТО — Атлас Тверской области. Масштаб 1 : 100000. Тверь : Ультра Экстент : Роскартография, 2009.
- АЯО — Атлас Ярославской области. Масштаб в 1 см : 1 км. М. : Ультра Экстент, 2010.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1989–1991.
- ЗВ-ГС — Земля Владимирская : географический словарь / сост. Л. А. Фоминцева. 2-е изд. Владимир : ВО ГО СССР, 1991.

- Карта Екатерины 1767 — *Стафенгаген И. И.* Географическое описание реки Волги от Твери до Дмитревска для путешествия Ея Императорского Величества по оной реке. СПб. : Имп. АН, 1767. URL: www.etomesto.ru (дата обращения: 26.09.2025).
- КБЧ — Книга Большому Чертежу / ред. К. И. Сербиной. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
- КузРИГ — *Кузнецов С. К.* Русская историческая география. Вып. 1. М. : Синод. тип., 1910.
- КЮУ 1920 — Карта Юрьевецкого уезда Иваново-Вознесенской губернии. Иваново-Вознесенск : Ив.-Вознес. Губ. Ежегодник, 1920. URL: www.etomesto.ru (дата обращения: 26.09.2025).
- КЯН 1794 — *Коренев И.* Генеральная карта Ярославского наместничества. 1794. URL: www.etomesto.ru (дата обращения: 26.09.2025).
- Менде 1850 — *Менде А. И.* Топографическая межевая карта Владимирской губернии. Масштаб 1 : 84000 (две версты в одном дюйме). 1850. URL: www.etomesto.ru (дата обращения: 26.09.2025).
- Менде 1853 — *Менде (Мендт) А. И.* Топографическая межевая карта Тверской губернии. Масштаб 1 : 84000 (две версты в одном дюйме). СПб. : Имп., 1853. URL: www.etomesto.ru (дата обращения: 26.09.2025).
- Менде 1857 — *Менде (Мендт) А. И.* Топографическая межевая карта Ярославской губернии. Масштаб 1 : 42000 (одна верста в одном дюйме). 1857. URL: www.etomesto.ru (дата обращения: 26.09.2025).
- ПГМ — Планы генерального межевания конца XVIII в. URL: www.etomesto.ru (дата обращения: 26.09.2025).
- ПК — Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. 1. Отд. 1 : Местности губерний Ярославской, Владимирской и Костромской / под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1872.
- ПМ — полевые материалы из картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- ПМЯУ — Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века: Вотчинные земли / сост. В. Ю. Беликов. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999.
- СГМЯ — *Саваткова А. А.* Словарь горномарийского языка. 2-е изд., перераб. и доп. Йошкар-Ола : Марийск. кн. изд-во, 2008.
- Семенов Т. С.* К вопросу о родстве и связи мери с черемисами // Труды VII Археологического съезда в Ярославле. 1891. Т. 2. С. 228–258.
- Смирнов М. И.* Историко-географическая номенклатура Переславль-Залесского края (материалы для ее изучения) // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея. 1929. Вып. 11. С. 1–139.
- Смолицкая ГБО — *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М. : Наука, 1976.
- СМЯ — Словарь марийского языка : в 10 т. / гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола : Марийск. кн. изд-во, 1990–2005.
- СпВлад — Списки населенных мест Российской империи. Владимирская губерния. СПб. : Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1862.
- СпКостр — Списки населенных мест Российской империи. Костромская губерния. СПб. : Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1862.
- Столистая карта 1816 — Подробная карта Российской империи и близлежащих заграничных владений. СПб. : Собств. Е. И. В. Депо карт, 1816. URL: www.etomesto.ru (дата обращения: 26.09.2025).
- Стрельбицкий 1871 — *Стрельбицкий И. А.* Специальная карта Европейской России. В 1 дюйме 10 верст. СПб. : Лит. Картограф. заведения Военно-Топографического Отдела, 1871. URL: www.etomesto.ru (дата обращения: 26.09.2025).

- Титов А. А. Ярославский уезд : историко-археологическое, этнографическое и статистическое описание, с картой Ярославского уезда. М. : И. А. Вахрамеев, 1883.
- Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии : историко-археологическое и статистическое описание. М. : Синод. тип., 1885.
- Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического съезда. 1871. Т. 2. С. 633–847.
- Шуберт 1840 — *Шуберт Ф. Ф.* Специальная карта западной части Российской Империи. Масштаб : в 1 дюйме 10 верст. 1821–1840. URL: www.etomesto.ru (дата обращения: 26.09.2025).
- ЭРС — *Коляденков М. Н., Цыганов Н. Ф.* Эрзянско-русский словарь / под ред. Д. В. Бубриха. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. Словарей, 1949.
- Яндекс карты — Электронные цифровые карты на основе топографических карт масштаба 1 : 100000 от компании «Яндекс». URL: <https://yandex.ru/maps/> (дата обращения: 26.09.2025).

Исследования

- ABY — Археология Волго-Уралья : в 7 т. Т. 3 : Ранний железный век / под общ. ред. А. Г. Ситдикова, отв. ред. А. А. Чижевский. Казань : Изд-во АН РТ, 2021.
- Алквист А. Субстратная топонимия Ярославского Поволжья // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны / под. ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. С. 436–467.
- Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1981. С. 3–45.
- Леонтьев А. Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М. : Геоэко, 1996.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001 ; Ч. 2. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004 ; Ч. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007 ; Ч. 4 : Топонимия мерянского типа. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015.
- Напольских В. В. Очерки по этнической истории. Казань : Казанская недвижимость, 2015.
- Напольских В. В. К иранской этимологии этнонимов *мари, меря, мурома* // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 1. С. 9–26. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.001
- Напольских В. В., Савельев А. В. *Мари, меря, мурома* — история этнонимов и реконструкция языков субстратной топонимии // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 3. С. 9–30. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.3.029
- Николаева И. А. О соответствиях уральских аффрикат и сибилантов в юкагирском языке // Советское финно-угроведение. 1988. Т. 24, № 2. С. 81–89.
- ОФУЯ 1974 — Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) / под ред. В. И. Лыткина и др. М. : Наука, 1974.
- ОФУЯ 1975 — Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки) / под ред. В. И. Лыткина и др. М. : Наука, 1975.
- ОФУЯ 1976 — Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки) / под ред. В. И. Лыткина и др. М. : Наука, 1976.
- Смирнов О. В. «Марийская» гипотеза в исследовании топонимии Оки и Унжи и западные границы древнемарийской топонимии // Вопросы ономастики. 2015. № 2 (19). С. 7–61. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.2.001
- Смирнов О. В. Основы со значением ‘верхний’ — ‘нижний’, ‘малый’ — ‘большой’ в субстратной топонимии исторических мерянских земель // В созвездии слов и имен : сб. науч.

- ст. к юбилею М. Э. Рут / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 222–245.
- Смирнов О. В. Волжско-финские диалекты исторических мерянских земель по данным топонимии. Языковые кальки. I // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22, № 1. С. 55–81. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.1.002
- ФУиБЭС — Финно-угры и балты в эпоху Средневековья / под общ. ред. Б. А. Рыбакова. М. : Наука, 1987.
- Ahlqvist A. Наблюдения над финно-угорским субстратом в топонимии Ярославского края на материале гидронимических формантов *-(V)ga* и *-(V)nga*, *-(V)n'ga*, *-(V)nda* // *Studia Slavica Finlandensia*. 1992. Т. 8. S. 1–50.
- Aikio A. On the reconstruction of Proto-Mari vocalism // Вопросы языкового родства. 2014. № 11. С. 125–157.
- Aikio UED — Aikio A. Uralic Etymological Dictionary (draft version of entries A–Ć). URL: https://www.academia.edu/41659514/URALIC_ETYMOLOGICAL_DICTIONARY_draft_version_of_entries_A_Ć (date of access: 26.09.2025).
- EWT — Berczki G. Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2013.
- Ker — Keresztes L. Geschichte des mordwinischen Konsonantismus II. Etymologisches Belegmaterial. Szeged : Universitas Szegediensis de Attila József Nominata, 1986.
- Lehtiranta J. Yhteisaamelainen sanasto. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989.
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1955–1981.
- UEW — Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986–1991.
- Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philosophisch-historische Klasse. 1935. T. 19. S. 507–594.
- Zhivlov M. Studies in Uralic vocalism III // Вопросы языкового родства. 2014. № 12. С. 113–148.

References

- Ahlqvist, A. (1992). Nabliudeniia nad finno-ugorskim substratom v toponimii Yaroslavskogo kraia na materiale gidronimicheskikh formantov *-(V)ga* i *-(V)nga*, *-(V)n'ga*, *-(V)nda* [Observations on the Finno-Ugric Substrate in the Toponymy of the Yaroslavl Region Based on Hydronymic Formants *-(V)ga* and *-(V)nga*, *-(V)n'ga*, *-(V)nda*]. *Studia Slavica Finlandensia*, 8, 1–50.
- Ahlqvist, A. (2001). Substratnaia toponimiia Yaroslavskogo Povolzh'ia [Substrate Toponymy of the Yaroslavl Volga Region]. In A. S. Gerd, & G. S. Lebedev (Eds.), *Ocherki istoricheskoi geografii. Severo-Zapad Rossii. Slaviane i finny* [Essays on Historical Geography. Northwest Russia: Slavs and Finns] (pp. 436–467). St Petersburg: Izd-vo SPbGU.
- Aikio, A. (2014). On the Reconstruction of Proto-Mari Vocalism. *Voprosy iazykovogo rodstva* [Issues of Language Relatedness], 11, 125–157.
- Aikio, A. (s.d.). *Uralic Etymological Dictionary (draft version of entries A–Ć)*. Retrieved from https://www.academia.edu/41659514/URALIC_ETYMOLOGICAL_DICTIONARY_draft_version_of_entries_A_Ć
- Berczki, G. (2013). *Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

- Itkonen, E., Joki, A. J., & Peltola, R. (Eds.). (1955–1981). *Suomen kielen etymologinen sanakirja* [Etymological Dictionary of the Finnish Language] (Vols. 1–7). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Keresztes, L. (1986). *Geschichte des mordwinischen Konsonantismus II. Etymologisches Belegmaterial* [History of the Mordvin Consonantism II. Etymological Evidence]. Szeged: Universitas Szegediensis de Attila József Nominata.
- Lehtiranta, J. (1989). *Yhteisaamelainen sanasto*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Leont'ev, A. E. (1996). *Arkheologiia meri. K predystorii Severo-Vostochnoi Rusi* [Archaeology of the Merya: Toward the Prehistory of Northeastern Rus']. Moscow: Geoeko.
- Lytkin, V. I. et al. (Eds.). (1974). *Osnovy finno-ugorskogo iazykoznaniiia (voprosy proiskhozhdeniia i razvitiia finno-ugorskikh iazykov)* [Foundations of Finno-Ugric Linguistics: Origins and Development of Finno-Ugric Languages]. Moscow: Nauka.
- Lytkin, V. I. et al. (Eds.). (1975). *Osnovy finno-ugorskogo iazykoznaniiia (pribaltiisko-finskie, saamskii i mordovskie iazyki)* [Foundations of Finno-Ugric Linguistics: Finnic, Saami and Mordvin Languages]. Moscow: Nauka.
- Lytkin, V. I. et al. (Eds.). (1976). *Osnovy finno-ugorskogo iazykoznaniiia (mariiskii, permskie i ugorskie iazyki)* [Foundations of Finno-Ugric Linguistics: Mari, Permic and Ugric Languages]. Moscow: Nauka.
- Matveyev, A. K. (2001–2015). *Substratnaia toponimiiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Vols. 1–4). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Napolskikh, V. V. (2015). *Ocherki po etnicheskoi istorii* [Essays on Ethnic History]. Kazan: Kazanskaia nedvizhimost'.
- Napolskikh, V. V. (2024). K iranskoi etimologii etnonimov *mari, meria, muroma* [Toward the Iranian Etymology of the Ethnonyms *Mari, Merya, Muroma*]. *Voprosy onomastiki*, 21(1), 9–26. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.001
- Napolskikh, V. V., & Savelyev, A. V. (2023). *Mari, meria, muroma — istoriia etnonimov i rekonstruktsiia iazykov substratnoi toponimii* [*Mari, Merya, Muroma — The History of Ethnonyms and the Reconstruction of Substrate Toponymy Languages*]. *Voprosy onomastiki*, 20(3), 9–30. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.3.029
- Nikolaeva, I. A. (1988). O sootvetstviakh ural'skikh affrikat i sibilantov v iukagirskom iazyke [Correspondences between Uralic Affricates and Sibilants in Yukaghir]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugric Studies], 24(2), 81–89.
- Rédei, K. (1986–1991). *Uralisches etymologisches Wörterbuch* (Vols. 1–2). Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Rybakov, B. A. (Ed.). (1987). *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia* [The Finno-Ugric Peoples and the Balts in the Medieval Period]. Moscow: Nauka.
- Sitdikov, A. G., & Chizhevsky, A. A. (Eds.). (2021). *Arkheologiia Volgo-Ural'ia. T. 3: Rannii zheleznyi vek* [Archaeology of the Volga-Ural Region. Vol. 3: Early Iron Age]. Kazan: Izd-vo AN RT.
- Smirnov, O. V. (2015). “Mariiskaia” gipoteza v issledovanii toponimii Oki i Unzhi i zapadnye granitsy drevnemariiskoi toponimii [The “Mari” Hypothesis in the Toponymic Study of the Oka and Unzha and the Western Boundaries of Ancient Mari Toponymy]. *Voprosy onomastiki*, 2, 7–61. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.2.001
- Smirnov, O. V. (2017). Osnovy so znacheniem ‘verkhonii’ — ‘nizhnii’, ‘malyi’ — ‘bol'shoi’ v substratnoi toponimii istoricheskikh merianskikh zemel' [Bases with the Meaning ‘Upper’ — ‘Lower’, ‘Small’ — ‘Large’ in the Substrate Toponymy of Historical Meryan Lands]. In E. L. Berezovich (Ed.), *V sozvezdii slov i imen: sbornik nauchnukh statei k iubileiu*

- M. E. Rut [In the Constellation of Words and Names: Scholarly Articles in Honour of Maria Ruth] (pp. 222–245). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Smirnov, O. V. (2025). Volzhsko-finskie dialekty istoricheskikh merianskikh zemel' po dannym toponimii. Iazykovye kal'ki. I [Volga-Finnic Dialects in the Historical Merya Lands According to Toponymic Data. Linguistic Calques. I]. *Voprosy onomastiki*, 22(1), 55–81. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.1.002
- Vasmer, M. (1935). Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen. *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philosophisch-historische Klasse*, 19, 507–594.
- Vostrikov, O. V. (1981). Finno-ugorskie leksicheskie elementy v russkikh govorakh Volgo-Dvinskogo mezhdurech'ia [Finno-Ugric Lexical Elements in Russian Dialects of the Volga-Dvina Interfluve]. In A. K. Matveyev (Ed.), *Etimologicheskie issledovaniia* [Etymological Studies] (pp. 3–45). Sverdlovsk: Ural University Press.
- Zhivlov, M. (2014). Studies in Uralic Vocalism III. *Voprosy iazykovogo rodstva* [Issues of Language Relatedness], 12, 113–148.